

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://marshaksamui1.ru/> Приятного чтения!

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак

ИЗ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

СОНЕТЫ

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.
А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, –
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.
Ты – украшение нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, –
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скардность с растратой.
Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

2

Когда твое чело избородят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» –
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достоиней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».
Пускай с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь.
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.
Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, –
Так велика к себе твоя любовь?
Для материнских глаз ты – отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.
Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой – с тобою!

4

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
А в долг дает – свободная свободным.
Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.
Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?
С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И в то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.
Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.
И только аромат цветущих роз –
Летучий пленник, запертый в стекле, –
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.
Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

6

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не сохранишь на дне фиала.
Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.
Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.
Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

7

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.
Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой, –
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой.
Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.
Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

8

Ты – музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?
Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?
Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, –
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.
Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

9

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.
В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.
Кто предает себя же самого –
Не любит в этом мире никого!

10

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем – живешь ты, не любя.
Свой лютей враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.
Переменись – и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.
Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

11

Мы вянем быстро – так же, как растем,
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.
Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времен,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.
Пусть тот, кто жизни и земле не мил, –
Безликий, грубый, – гибнет невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возратить их можешь многократно.
Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой оттиск передать.

12

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,
Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов густая борода, –
Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.
Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

13

Не изменяйся, будь самим собой.
Ты можешь быть собой, пока живешь.
Когда же смерть разрушит облик твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож.
Тебе природой красота дана
На очень краткий срок, и потому
Пускай к потомку перейдет она, –
Как бы опять к тебе же самому.
В заботливых руках прекрасный дом
Не дрогнет перед яростью зимы.
Пусть никогда не воцарится в нем
Безмолвье смерти, холода и тьмы,
Чтоб мог твой сын, оплакав твой конец,
Сказать, как ты: – Был у меня отец!

14

Я не по звездам о судьбе гадаю,

И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.
Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.
Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.
А если нет, – под гробовой плитой
Исчезнет правда вместе с красотой.

15
Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир – подмостки, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,
Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, –
О, как я дорожу твоей весной,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.
Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

16
Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?
Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных, девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.
Так жизнь исправит всё, что изувечит.
И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.
Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в созданье новом – в человеке.

17
Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.
Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, –
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»
И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»
Но доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

18
Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломают буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!
То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.
А у тебя не убывает день,

Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень, –
Ты будешь вечно жить в строках поэта.
Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

19

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.
Зимю, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем – смех.
Что хочешь делай с миром и со мной, –
Один тебе я запрещаю грех.
Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пусть черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.
А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

20

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски нежен ты, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.
Твой ясный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем все вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзей пленяет и разит подруг.
Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Ненужной мне приметой наделила,
А женщин осчастливила она.
Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.
Пусть они для украшения строк
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.
В любви и в слове – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, –
Я никому ее не продаю!

22

Лгут зеркала, – какой же я старик!
Я молодость твою делю с тобою.
Но если дни избородят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.
Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе.
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже,
Старайся же себя оберегать –
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.
Одна судьба у наших двух сердец:
Замрет мое – и твоему конец!

23

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,

Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, –
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.
Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.
Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

24

Мой глаз гравёром стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве – перспектива.
Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.
Мои глаза с твоими так дружны:
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.
Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

25

Кто под звездой счастливо рожден –
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь – источник счастья.
Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.
Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел – опала и забвенье.
Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

26

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.
Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.
А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.
Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

27

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь –
В своих мечтах – к одной и той же цели.
Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.
Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.

И кажется великолепной тьма,
Когда в нее тыходишь светлой тенью.
Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью – я всегда в пути.

28

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благодати покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.
И день и ночь – враги между собой –
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
А по ночам не сплю, грустя в разлуке.
Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.
Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень.

29

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод
И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, –
Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушьем жалкое клянусь,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.
С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильнее.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, –
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.
Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.
Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потери каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!
Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

31

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.
Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового,
Но, видно, рок на время их унес, –
И вот теперь встречаемся мы снова.
В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.
Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе – им всем – принадлежу.

32

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,

Написанные дружеской рукою, –
Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.
Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.
Но так как с мертвым спор ведут они, –
Во мне любовь, в них мастерство цени!

33

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.
Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.
Но не ропщу я на печальный жребий, –
Бывают тучи на земле, как в небе.

34

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.
Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, –
Ты исцелить мне раны не могла.
Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.
Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

35

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.
Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравнениями оправдывая грех,
Прощая незаконно твой порок.
Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.
Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

36

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно.
Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.
Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,

Чтоб не легла на честь твою печать.
Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

37

Как радуется отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.
Великодушье, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье –
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.
Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.
Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя, как благодать.

38

Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить.
И если я порой чего-то стою,
Благодари себя же самого.
Тот поражен душевной немотой,
Кто в честь твою не скажет ничего.
Для нас ты будешь музою десятой
И в десять раз прекрасней остальных,
Чтобы стихи, рожденные когда-то,
Мог пережить тобой внушенный стих.
Пусть будущие славят поколенья
Нас за труды, тебя – за вдохновенье.

39

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,
Нельзя хвалить себя же самого.
Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой стоишь только ты.
Разлука тяжела нам, как недуг,
Но временами одинокий путь
Счастливейшим мечтам дает досуг
И позволяет время обмануть.
Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

40

Все страсти, все любви мои возьми –
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.
Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.
Ты нищего лишил его сумы.
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.
О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом!

41

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоём сознании нет, –
К лицу твоим летам, твоим чертам.

Приветливый, – ты лестью окружен,
Хорош собой, – соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.
Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.
Неверную своей красой пленя,
Ты дважды правду отнял у меня.
42

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет, – вдвое мне больнее.
Твоей любви утрата мне страшна.
Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил,
А милая тебе дарит свиданья
За то, что ты мне бесконечно мил.
И если мне терять необходимо, –
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.
Но если друг и я – одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже...
43

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая,
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.
И если так светла ночная тень –
Твоей неясной тени отраженье, –
То как велик твой свет в лучистый день.
Насколько явь светлее сновиденья!
Каким бы счастьем было для меня –
Проснувшись утром, увидеть воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.
День без тебя казался ночью мне,
А день я видел по ночам во сне.
44

Когда бы мыслью стала эта плоть, –
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянье побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.
Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.
Пускай моя душа – огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух –
Земли с водой, – угнаться не могу.
Земля, – к земле навеки я прирос,
Вода, – я лью потоки горьких слез.
45

Другие две основы мирозданья –
Огонь и воздух – более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, пространству вопреки.
Когда они – две вольные стихии –
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.
Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
Летят к тебе и мысли и стремленья.

46

Мой глаз и сердце – издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.
Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.
Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.
Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду – взгляд.

47

У сердца с глазом – тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.
Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.
Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она – с тобою.
Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

48

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог.
А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото – блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль, –
Тебя любой похитить может вор.
В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.
Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

49

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,
Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоём лице, по-прежнему прекрасном,
В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Все оправдав своей неправотою.
Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

50

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,
Не ожидая дальше ничего,
Отсчитывать уныло, сколько миль
Отъехал я от счастья своего.
Усталый конь, забыв былую прыть,

Едва трусит лениво подо мной, –
Как будто знает: незачем спешить
Тому, кто разлучен с душой родной.
Хозяйских шпор не слушается он
И только ржаньем шлет мне свой укор.
Меня больнее ранит этот стон.
Чем бедного коня – удары шпор.
Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
За мною – радость, впереди – печаль.

51

Так я оправдывал несносный нрав
Упрямого, ленивого коня,
Который был в своем упрямстве прав,
Когда в изгнание шагом вез меня.
Но будет непростительным грехом,
Коль он обратно так же повезет.
Да поскачи на вихре я верхом,
Я думал бы: как тихо он ползет!
Желанья не догонит лучший конь,
Когда оно со ржаньем мчится вскачь.
Оно легко несется, как огонь,
И говорит ленивейшей из кляч:
– Ты, бедная, шагком себе иди,
А я помчусь на крыльях впереди!

52

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.
Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.
Пусть скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.
Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

53

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.
Вообразим Адониса портрет, –
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет.
Ты – древнего искусства образ новый.
Невинную весну и зрелый год
Хранит твой облик, внутренний и внешний:
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.
Все, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.
Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, –
Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.
Когда погаснет блеск очей твоих,

Вся прелесть правды перельется в стих.

55

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.
Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут.
Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.
Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

56

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.
Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.
Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.
Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

57

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.
Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.
Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час побыть с тобою мог.
Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

58

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.
Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой – ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.
Ты предаешься ль делу иль забаве, –
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.
В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

59

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение былого
И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова, –
Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,

Сумеет в древней книге отыскать
Запечатленный в слове лик твой милый.
Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно совершенном,
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.
Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бесчисленные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.
Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.
Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.
Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

61

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не даёт закрыться?
Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?
О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.
Я не могу забыться сном, пока
Ты – от меня вдали – к другим близка.

62

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?
Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого,
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.
Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, – на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.
Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий – юною судьбою.

63

Про черный день, когда моя любовь.
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,
Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило, –
Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.
Оружье это – черная строка.
В ней все цвета переживут века.

64

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Все говорит о том, что час пробьет –
И время унесет мою отраду.
А это – смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя – беспомощный цветок?
Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?
О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..
Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

66

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью сльвет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

67

Спроси, зачем в пороках он живет?
Чтобы служить бесчестью оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?
Зачем искусства мертвые цвета
Крадут его лица огонь весенний?
Зачем лукаво ищет красота
Поддельных роз, фальшивых украшений?
Зачем его хранит природа-мать,
Когда она давно уже не в силах
В его щеках огнем стыда пылать,
Играть живую кровью в этих жилах?
Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
О том, что было и чего уж нет!

68

Его лицо – одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,
Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди

Вторую жизнь на голове другой.
Его лицо приветливо и скромно,
Уста поддельных красок лишены,
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.
Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшенья.

69

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.
За внешний облик – внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.
Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души – ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.
Твой нежный сад запущен потому,
что он доступен всем и никому.

70

То, что тебя бранят, – не твой порок.
Прекрасное обречено молве.
Его не может очернить упрек –
Ворона в лучезарной синеве.
Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.
Избегла ты засады юных дней,
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.
Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты царила на земле!

71

Ты погрусти, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет,
я променял на низший мир червей.
И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалея.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.
Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пускай замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь!..
Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

72

Дабы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что ты во мне любила, –
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.
Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.
Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня скорей из памяти изгладь, –
Иль дважды мне ответ придется дать:
За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

73

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине –
На хорах, где умолк веселый свист.
Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти – сумраком объят.
Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.
Ты видишь все. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

74

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест –
Мне памятником будут эти строчки.
Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Все, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах, –
Ты, потеряв меня, утратишь мало.
С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.
Ей – черепки разбитого ковша,
Тебе – мое вино, моя душа.

75

Ты утоляешь мой голодный взор,
Как землю освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.
То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною,
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад сверкнуть сверкающей казною.
Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.
В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней.

76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?
Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.
Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.
Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

77

Седины ваши зеркало покажет,
Часы – потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет –
И вашу мысль увидят и прочтут.
По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.
Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

78

Тебя я музой называл своюю
Так часто, что теперь наперебой
Поэты, переняв мою затею,
Свои стихи украсили тобой.
Глаза, что петь немного научили,
Заставили невежество летать, –
Искусству тонкому придали крылья,
Изяществу – величия печать.
И все же горд своим я приношеньем,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшеньем,
Мои стихи тобою рождены.
Поэзия – в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

79

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музы немощной затих!
Я сознаю своих стихов бессилье.
Но все, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоём находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.
Он славит добродетель, это слово
Украив у повеленья твоего,
Он воспеваешь красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.
Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна, за все, что стихотворец тратит.

80

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.
Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, –
Дерзнул я появиться на волне.
Лишь с помощью твоей среди бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.
Пускай его победный ждет венец,
Я не страшусь в любви найти конец.

81

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя, – не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.
Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют – открытая гробница.
Твой памятник – восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.
Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, – на устах!

82

Не обручен ты с музою моею,

И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.
Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.
Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.
Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

83

Я полагал: у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.
Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла, –
Дабы свое величье доказать
Без украшений красота могла.
Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.
То, что во взоре светится твоим,
Твои певцы не выразят вдвоем.

84

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?
Кто у себя в сокровищнице прячет
Пример тебе подобной красоты?
Как беден стих, который не прибавил
Достоинства виновнику похвал.
Но только тот в стихах себя прославил,
Кто попросту тебя тобой назвал.
Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.
А голоса тебе любезной лести
Звучат хулой твоей красе и чести!

85

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письмена
Красноречивым золотым пером.
Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать «аминь!»
В конце торжественно звучащих строк.
Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,
Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь, –
Но сколько чувства в помыслах моих!
За громкие слова цени певцов,
Меня – за мысли тихие, без слов.

86

Его ли стих – могучий шум ветрил,
Несущихся в погону за тобою, –
Все замыслы во мне похоронил,
Утробу сделал урной гробовою?
Его ль рука, которую писать
Учил какой-то дух, лишенный тела,
На робкие уста кладет печать,
Достигнув в мастерстве своем предела?
О нет, ни он, ни дружественный дух –

Его ночной советчик бестелесный –
Так не могли ошеломить мой слух
И страхом поразить мой дар словесный.
Но если ты с его не сходишь уст, –
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.
87

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владею,
И я залог покорно отдаю.
Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И, значит, добровольное условие
По прихоти нарушить ты вольна.
Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня.
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.
Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.
88

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.
Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.
И буду благодарен я судьбе:
Пусть в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.
Готов я жертвой быть неправоты,
Чтоб только правой оказалась ты.
89

Скажи, что ты нашла во мне черту,
Которой вызвана твоя измена.
Ну, осуди меня за хромоту –
И буду я ходить, согнув колено.
Ты не найдешь таких обидных слов,
Чтоб оправдать внезапность охлаждения.
Как я найду. Я стать другим готов.
Чтоб дать тебе права на отчужденье.
Дерзну ли о тебе упомянуть?
Считать я буду память вероломством
И при других не выдам как-нибудь,
Что мы старинным связаны знакомством.
С самим собою буду я в борьбе:
Мне тот враждебен, кто не мил тебе!
90

Уж если ты разлюбишь, – так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь.
Но только не последней каплей горя!
И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром – утром без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,
Что нет невзгод, а есть одна беда –
Твоей любви лишиться навсегда.
91

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,

Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.
Есть у людей различные пристрастия,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье, –
В нем остальное все заключено.
Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.
Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

92

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Со мной ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.
Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?
И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.
Не опасаясь я твоих измен.
Твоя измена – беспощадный нож.
О, как печальный жребий мой блажен,
Я был твоим, и ты меня убьешь.
Но и на счастье страх кладет печать:
Ведь об измене я могу не знать.

93

Что ж, буду жить, приемля, как условие,
Что ты верна. Хоть стала ты иной,
Но тень любви нам кажется любовью.
Не сердцем – так глазами будь со мной.
Твой взор не говорит о перемене.
Он не таит ни скуки, ни вражды.
Есть лица, на которых преступленья
Чертят неизгладимые следы.
Но, видно, так угодно высшим силам:
Пусть лгут твои прекрасные уста,
Но в этом взоре, ласковом и милом,
По-прежнему сияет чистота.
Прекрасно было яблоко, что с древа
Адаму на беду сорвала Ева.

94

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти, –
Тому дарует небо благодать,
Земля дары приносит дорогие.
Ему дано величием обладать,
А чтить величие призваны другие.
Лелеет лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.
Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

95

Ты украшать умеешь свой позор,
Но, как в саду незримый червячок
На розах чертит гибельный узор, –
Так и тебя пятнает твой порок.
Молва толкует про твои дела,
Догадки щедро прибавляя к ним.
Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим.
В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют!

Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.
Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавея, остроту теряет меч.

96

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.
Поддельный камень в перстне королей
Считается алмазом дорогим, –
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.
Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.
Остановись, – я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

97

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг!
За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело, –
Оставшаяся на сносях вдова.
Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, и птица не поет.
А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

98

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Все оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.
Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.
Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.
Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

99

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.
У лилий – белизна твоей руки,
Твой темный волос – в почках майорана,
У белой розы – цвет твоей щеки,
У красной розы – твой огонь румяный.
У третьей розы – белой, точно снег,
И красной, как заря, – твое дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.
Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.

100

Где муза? Что молчат ее уста
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,

Она ничтожным славу воздает?
Пой, суетная муза, для того,
Кто может оценить твою игру,
Кто придает и блеск, и мастерство,
И благородство твоему перу.
Вглядись в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфую гневной заклеими грабеж.
Пока не поздно, времени быстрее
Бессмертные черты запечатлей!

101

О ветреная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?
Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.
Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалеи,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.
Нетронутым – таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани!

102

Люблю, – но реже говорю об этом.
Люблю нежней, – но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.
Тебя встречал я песней, как приветом.
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.
Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.
И я умолк, подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

103

У бедной музы красок больше нет,
А что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
Без добавленья похвалы моей.
Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
И убедись, что выше всех похвал
Стеклом отобразенное чело.
Все то, что отразила эта гладь,
Не передаст палитра иль резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
Столь совершенный портить образец?
И мы напрасно спорить не хотим
С природой или зеркалом твоим.

104

Не нахожу я времени примет
В твоих чертах. С тех пор, когда впервые
Тебя я встретил, три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.
Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет,
А над тобой не властвуют стихии.
На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз.

Так на тебе я лет не замечаю.
И если уж закат необходим,
Он был перед рождением твоим.

105

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.
Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.
«Прекрасный, верный, добрый» – вот слова,
что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!
Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

106

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,
Столетиями хранимые черты –
Улыбка нежных уст, глаза и брови –
Мне говорят, что только в древнем слове
Нашлось бы все, чем обладаешь ты.
Поэт, впиваясь в даль влюбленным взглядом,
Мечтал неясный образ передать,
Но красоту твою предугадать
Не довелось ни песням, ни балладам.
А нам, кому теперь она близка, –
Где голос взять, чтобы звучал века?

107

Ни собственный мой страх, ни вещей взор
Миров, что о грядущем грезят сонно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась предрешенной.
Свое затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.
Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам,
Еще не просветленным, бессловесным.
В моих строках и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

108

Что может мозг бумаге передать,
чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
чтобы твои достоинства прославить?
Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву – слово в слово, –
я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.
Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
и старость делает своим слугою.
И там ее рождение, где молва
и время говорят: любовь мертва.

109

Меня неверным другом не зови.
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, душа моей любви,
в твоей груди, как мой залог, хранится.

Ты – мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.
Пускай грехи мою сжигают кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодеяний.
Что без тебя просторный этот свет?
В нем только ты. Другого счастья нет.
ПО

Да, это правда: где я ни бывал,
Пред кем шута ни корчил площадного.
Как дешево богатство продавал
И оскорблял любовь любовью новой!
Да, это правда: правде не в упор
В глаза смотрел я, а куда-то мимо.
Но юность вновь нашел мой беглый взор,
Блуждая, он признал тебя любимой.
Все кончено, и я не буду вновь
Искать того, что обостряет страсти,
Любовью новой проверять любовь.
Ты – божество, и весь в твоей я власти.
Вблизи небес ты мне приют найди
На этой чистой, любящей груди.

111

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.
Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!
Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья,
Не буду горечь горькою считать,
Считать неправой меру исправленья.
Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!

112

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.
Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.
В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.
Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.

113

Со дня разлуки – глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на все по-прежнему гляжу.
Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.
Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

114

Неужто я, прияв любви венец,
Как все монархи, лестью упоен?
Одно из двух: мой глаз – лукавый льстец,
Иль волшебству тобой он обучен.
Из чудищ и бесформенных вещей
Он херувимов светлых создает.
Всему, что входит в круг его лучей,
С твоим лицом он сходство придает.
Вернее первая догадка: лесть.
Известно глазу все, что я люблю,
И он умеет чашу преподнести,
Чтобы пришлась по вкусу королю.
Пусть это яд, – мой глаз искупит грех:
Он пробует отраву раньше всех!

115

О, как я лгал когда-то, говоря:
«Моя любовь не может быть сильнее».
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.
Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Колеблющих и клятвы и стремленья,
Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: «Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!»
Любовь – дитя. Я был пред ней не прав,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.
Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане,
Любовь – звезда, которую моряк
Определяет место в океане.
Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих, –
То нет любви и пет стихов моих!

117

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,
Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.
Все преступленья вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.
Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

118

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.
Так, избалованный твоей любовью,

Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.
От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.
Но понял я: лекарства – яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.
119

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.
Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?
О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.
Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.
120

То, что мой друг бывал жесток со мною,
Полезно мне. Сам испытал печаль,
Я должен гнуться под своей виною,
Коль это сердце – сердце, а не сталь.
И если я потряс обидой друга,
Как он меня, – его терзает ад,
И у меня не может быть досуга
Припоминать обид минувших яд.
Пусть та ночь печали и томленья
Напомнит мне, что чувствовал я сам,
Чтоб другу я принес для исцеленья,
Как он тогда, раскаянья бальзам.
Я все простил, что испытал когда-то,
И ты прости, – взаимная расплата!
121

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мненье.
Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.
Я – это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера,
И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!
122

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу –
Верней, чем на пергаменте и воске, –
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.
Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленю,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.
Так долго бы не сохранился воск
Твоих таблиц – подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.
Кто должен памятку любви хранить,

Тому способна память изменить!

123

Не хвастай, время, властью надо мной,
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они – перелицовка старины.
Наш век недолог. Нас не мудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Все то, что мы от предков узнаем.
Цена тебе с твоим архивом грош.
Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.
И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор!

124

О, будь моя любовь – дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, –
Судьба могла бы место ей назначить
Среди цветов иль в куче сорных трав.
Но нет, мою любовь не создал случай.
Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучья
И жалкой жертвой возмущенья пасть.
Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет внаем.
Ее не греет луч, не губят грозы.
Она идет своим большим путем.
И этому ты, временщик, свидетель,
Чья жизнь – порок, а гибель – добродетель.

125

Что, если бы я право заслужил
Держать над тронном бархат балдахина
Или бессмертья камень заложил,
Не более надежный, чем руина?
Кто гонится за внешней суетой,
Теряет все, не рассчитав расплаты,
И часто забывает вкус простой,
Избалован стряпней замысловатой.
Нет, в сердце мне приют прошу я дать,
А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
Дается он тебе, как благодать,
В знак бескорыстной жертвы обоюдной.
Прочь, клеветник! Чем правоте трудней,
Тем менее ты властвуешь над ней!

126

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
Часов, что нам отсчитывают время,
От убыли растешь ты, подтверждая,
Что мы любовь питаем, увядая.
Природа, разрушительница-мать,
Твой ход упорно возвращает вспять.
Она тебя хранит для праздной шутки,
Чтобы, рождая, убивать минутки.
Но бойся госпожи своей жестокой:
Коварная щадит тебя до срока.
Когда же это время истечет, –
Предъявит счет и даст тебе расчет.

127

Прекрасным не считался черный цвет,
Когда на свете красоту ценили.
Но, видно, изменился белый свет –
Прекрасное подделкой очернили.
С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Живет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, –
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.
Но так идет им черная фата,
Что красотой стала чернота.

128

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой, –
Ревнивой завистью терзаюсь я.
Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, –
А не моим томящимся устам.
Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытьи.
Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы – мне!

129

Издержки духа и стыда растрата –
Вот сладострастье в действии.
Оно Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.
Утолено, – влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.
Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде – радость, в испытанье – горе,
А в прошлом – сон, растаявший, как дым.
Все это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

130

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

131

Ты прихоти полна и любишь власть,
Подобно всем красавицам надменным.
Ты знаешь, что моя слепая страсть
Тебя считает даром драгоценным.
Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слез любовного томленья, –
Я не решаюсь в спор вступить с молвой,
Но спорю с ней в своем воображеньи.
Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.
Беда не в том, что ты лицом смугла, –
Не ты черна, черны твои дела!

132

Люблю твои глаза. Они меня,

Забытого, жалеют непритворно.
Отвергнутого друга хороня,
Они, как траур, носят цвет свой черный.
Поверь, что солнца блеск не так идет
Лицу седого раннего востока,
И та звезда, что вечер к нам ведет, –
Небес прозрачных западное око, –
Не так лучиста и не так светла,
Как этот взор, прекрасный и прощальный.
Ах, если б ты и сердце облекла
В такой же траур, мягкий и печальный, –
Я думал бы, что красота сама
Черна, как ночь, и ярче света – тьма!

133

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.
Терзать меня тебе казалось мало, –
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.
Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга наконец.
Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерег.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.
Мольба напрасна. Ты – моя темница,
И все мое со мной должно томиться.

134

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложенным именем,
Чтоб только он – мое второе я –
По-прежнему служил мне утешеньем.
Но он не хочет и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.
Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.
Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратит не мог!

135[1]

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.
Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?
Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники-дожди, –
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.
Недобрым «нет» не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

136

Твоя душа противится свиданьям,
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
А воле есть в любой душе приют.
Она твоей любви наполнит недра
Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число один – не более чем ноль.
Пусть я ничто во множестве несметном,

Но для тебя останусь я одним.
Считай меня ничтожным, незаметным,
Считай ничем, но чем-то дорогим.
Ты полюби сперва мое прозвание,
Тогда меня полюбишь. Я – желанье!
137

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.
И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, –
Зачем ему ты не даешь свободы?
Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но все, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.
Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.
138

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.
Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу.
И оба мы от правды далеки.
Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.
Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!
139

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.
Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд – разящий меч,
И нет брони на любящей груди.
Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.
О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня, – я смерти буду рад.
140

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страданья, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.
Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимую любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.
Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.
Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!
141

Мои глаза в тебя не влюблены, –
Они твои пороки видят ясно.

А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Мой слух твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.
И все же внешним чувствам не дано –
Ни всем пяти, ни каждому отдельно –
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.
В своем несчастье одному я рад,
Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.

142

Любовь – мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но, наши преступления сравнив,
Моей любви не бросишь ты упрека.
Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменной, ложью, клятвою лукавой.
Грешнее ли моя любовь твоей?
Пусть я люблю тебя, а ты – другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.
А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

143

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,
И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.
Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.
Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

144

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.
Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.
Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья – друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.
Но там ли он, – об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.

145

«Я ненавижу», – вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гнев. Но едва
Она заметила мой страх, –
Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.
«Я ненавижу», – присмирив,
Уста промолвили, а взгляд

Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.
«Я ненавижу», – но тотчас
Она добавила: – «Не вас!»

146

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.
Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?
Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.
Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

147

Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жадой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.
Мой разум–врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.
Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.
И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад, а светом – тьма!

148

О, как любовь мой изменила глаз!
Расходится с действительностью зренья.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явленья?
Коль хорошо, что нравится глазам,
То как же мир со мною не согласен?
А если нет, – признать я должен сам,
Что взор любви неверен и неясен.
Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока все небо не омоют грозы.
Любовь хитра, – нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

149

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?
Вступал ли я в союз с твоим врагом?
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?
Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором униженья?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор – ресниц твоих движенье.
В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих, – я ослеп давно.

150

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,

Клянусь им, что не светел свет дневной.
Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая черные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.
Все, что вражду питало бы в другом,
Питают нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.
Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

151

Не знает юность совести упреков,
Как и любовь, хоть совесть – дочь любви.
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.
Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю.
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.
При имени твоём она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей,
Чтобы упасть у ног её опять.
Кто знал в любви паденья и подъёмы,
Тому глубины совести знакомы.

152

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.
Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.
Я клялся в доброты твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.
Я клялся: ты правдива и чиста, –
И черной ложью осквернил уста.

153

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студёный.
Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.
А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!
Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд – огонь её очей.

154

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.
Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.
Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,

Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду, – но вода
Любви не охлаждала никогда.

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей

Стыдится и все прочее,

Тот самый жалкий из людей,

Трусливый раб и прочее.

При всем при том,

При всем при том,

Пусть бедны мы с вами,

Богатство –

Штамп на золотом,

А золотой –

Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,

Мы укрываемся тряпьем

И все такое прочее,

А между тем дурак и плут

Одеты в шелк и вина пьют

И все такое прочее.

При всем при том,

При всем при том,

Судите не по платью.

Кто честным кормится трудом,

Таких зову я знатью.

Вот этот шут – природный лорд.

Ему должны мы кланяться.

Но пусть он чопорен и горд,

Бревно бревном останется!

При всем при том,

При всем при том,

Хоть весь он в позументах, –

Бревно останется бревном

И в орденах и в лентах!

Король лакея своего

Назначит генералом,

Но он не может никого

Назначить честным малым.

При всем при том,

При всем при том,

Награды, лесть

И прочее

Не заменяют

Ум и честь

И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,

Когда уму и чести

На всей земле придет черед

Стоять на первом месте.

При всем при том,

При всем при том,

Могу вам предсказать я,

Что будет день,

Когда кругом

Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,

И было решено,

Что навсегда погибнет

Джон Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой

Могилу короли,

Чтоб славный Джон, боец лихой,

Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,

В ручьях воды полно,

А из земли выходит
Джон Ячменное Зерно.
Все так же буен и упрямя,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.
Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.
Настало время помирать –
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.
Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.
Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.
Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет
Джон Ячменное Зерно.
Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.
Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.
Недаром был покойный
Джон При жизни молодец, –
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.
Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...
Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет
Джон Ячменное Зерно!
СТАРАЯ ДРУЖБА
Забуть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забуть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?
За дружбу старую –
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.
Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.
За дружбу старую –
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина –
За счастье юных дней.
С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем

Мы взяли с юных дней.
Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...
И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука ~ в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!
За дружбу старую –
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.
Был честный фермер мой отец.
Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее – чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!
Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть – пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.
И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я подбит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.
В конце концов я был готов
Оставить попеченье.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час – в руках у нас.
Владей же настоящим!
Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это все, что мой отец
Оставил мне в наследство.
Так и живу – в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!
Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает

Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть, –
И то уж это благо!
Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И все же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!
О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед – к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, –
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!
МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА
Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.
Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому, что началась война.
За морями, за холмами –
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.
Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!
РОБИН
В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?
Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек –
Резвый, шустрый Робин!
Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.
Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
– Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!
Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит,
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.
Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.
Девчонкам – бог его прости! –
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.
Был он резвый паренек –
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек –
Резвый, шустрый Робин!
В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ
В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.

Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.
Прощай, моя родина! Север, прощай, –
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!
Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.
В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

БРЮС – ШОТЛАНДЦАМ

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, –
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.
Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет –
Цепи и оковы.
Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.
Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!
Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.
Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!
ШОТЛАНДСКАЯ СЛАВА
Навек простись. Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчизны величавой!
Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится, –
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.
Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.
Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.
Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролсь
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.
Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!
ДЕРЕВО СВОБОДЫ
Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,

Победу торжествуя.
Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.
Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек – не скот, брат.
Его вкусить холопу дай –
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.
Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня.
Здоровье нам дает, брат.
Он проясняет мутный взгляд.
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он – яд:
Он сводит их в могилу!
Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.
Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.
Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.
У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!
Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.
Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось –
жалели, что пошли, брат!
Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.
Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.
Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь – тоже.
И ты на шулки был не скуп,
Когда ты был моложе.
Богатым лесом ты одет –
и дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!
А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.
Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем

От всех своих трудов, брат.
Но верю я: настанет день, –
И он не за горами, –
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.
Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!
МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ
Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.
– Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.
В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней –
Не дрогну и сейчас!
Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.
Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.
И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.
Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!
Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА
Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.
Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.
Шагал я с легким багажом,
Счастливым и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.
Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.
Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.
Вот я взошел на склон холма,

Мне с юных лет знакомый, –
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.
С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой, – и сам не знаю.
Потом сказал я: – Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!
Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?
На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
– Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..
Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!
И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: – Это ты? –
Потом сказала: – Вилли!..
– Да, это я, моя любовь,
А ты – моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.
Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пусть с тобою мы бедны,
Но ты – мой клад бесценный!
Она сказала: – Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!
Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь – удел солдата.
И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.
ДЖОН АНДЕРСОН
Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.
Теперь ты снегом убелен, –
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!
Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.
Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!
ЛЮБОВЬ
Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя – как песенка,

С которой в путь иду.
Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.
Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит..
Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

* * *

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.
Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь.
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.
Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

* * *

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.
Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край
И зашумит листва..
Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.
Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

КОНЕЦ ЛЕТА

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, –
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.
Вальдшнепы любят тихий лес,
Вьюрки – кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике, живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник – приют
Веселой коноплянки.
У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой – в уединенье.

Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох...
А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.
Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной – листве лесной,
Как осень – урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил –
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!
Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

* * *

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей утаю.
Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.
Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься как дым.
Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!
РАССТАВАНИЕ
Поцелуй – и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.
В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.
Не клянусь своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит,
Кто полюбит, не разлюбит.
Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!
Будь же ты благословенна,

Друг мой первый, друг бесценный.

Да сияет над тобою

Солнце счастья и покоя.

Поцелуй – и до могилы

Мы простимся, друг мой милый.

Ропот сердца отовсюду

Посылать к тебе я буду.

ЗА ПОЛЕМ РЖИ

За полем ржи кустарник рос,

И почки нераскрытых роз

Клонились, влажные от слез,

Росистым ранним утром.

Но дважды утренняя мгла

Сошла, и роза расцвела.

И так роса была светла

На ней душистым утром.

И коноплянка на заре

Сидела в лиственном шатре

И вся была, как в серебре,

В росе холодной утром.

Придет счастливая пора,

И защебечет детвора

В тени зеленого шатра

Горячим летним утром.

Мой друг, и твой придет черед

Платить за множество забот

Тем, кто покой твой бережет

Весенним ранним утром.

Ты, нераскрывшийся цветок,

Расправишь каждый лепесток

И тех, чей вечер недалек,

Согреешь летним утром!

ПОЦЕЛУЙ

Влажная печать признаний,

Обещанье тайных нег –

Поцелуй, подснежник ранний,

Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,

Страсти детская игра,

Дружба голубя с голубкой,

Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье

И вопрос: когда ж опять?..

Где слова, чтобы названье

Этим чувствам отыскать?

НАД РЕКОЙ АФТОН

Утихни, мой Афтон, в зеленом краю,

Утихни, а я тебе песню спою.

Пусть милую Мэри не будит волна

На склоне, где сладко уснула она.

Пусть голубя стон из лесного гнезда,

Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,

Зеленоголового чибиса крик

Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,

Где змейками путь проложили ручьи.

Бродя по холмам, не свожу я очей

С веселого домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,

Весной от цветов золотятся луга.

А в час, когда вечер заплачет дождем,

Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебристую вьет

У тихого дома, где Мэри живет.

Идет она в лес, собирая цветы, –

К ногам ее белым бросаешься ты.

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,

Умолкни, прославленный в песнях моих.

Пусть милую Мэри не будит волна –
Над берегом тихо уснула она.

ЗАДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть, – те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть,
чем есть, –

Значит, нам благодарить остается небо!

* * *

Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!
Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухую, чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.

Один бочонок – трое нас.

Не раз встречались мы втроем

И встретимся еще не раз.

Что это – старая луна

Мигает нам из-за ветвей?

Она плывет, домой зовет..

Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,

Кто первым ступит за порог.

А первый тот, кого струя

Из нас последним свалит с ног!

ПОДРУГА УГОЛЬЩИКА

– Не знаю, как тебя зовут,

Где ты живешь, не ведаю.

– Живу везде – и там и тут,

За угольщиком следую!

– Вот эти нивы и леса

И все, чего попросишь ты,

Я дам тебе, моя краса,

Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.

Зачем отрепья носишь ты?

Я дам тебе коней и слуг,

Коль угольщика бросишь ты!

– Хоть горы золота мне дай

И жемчуга отборного,

Но не уйду я – так и знай! –

От угольщика черного.

Мы днем развозим уголек.

Зато порой ночью

Я заберусь в свой уголок.

Мой угольщик – со мною.

У нас любовь – любви цена.

А дом наш – мир просторный.

И платит верностью сполна

Мне угольщик мой черный!

Я ПЬЮ ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ!

Прощай, красавица моя.

Я пью твое здоровье.

Надоедать не стану я

Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести

Сумею я разлуку.

А ты смекни да разочти,

Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: – Вступать мне в брак

Покуда неохота. –

А я сказку: – Я не дурак,

И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждет твоя родня

Кого-то побогаче.
Она не жалуется меня.
Ну, дай вам бог удачи!
Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком, –
При мне моя свобода.
Башка и руки – вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, – сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!
Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.
Прощай, мой друг. Я уйду,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твоё окошко...
НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ СТАРОГО ФЕРМЕРА ЕГО СТАРОЙ ЛОШАДИ
Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошадию горячей
И рысью шла.
Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!
Лошадкой ты была на славу
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъём любой.
Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал – скажу по чести –
Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
Я поминал.
Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
Трусилась вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.
Я помню день, когда, танцуя
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!
Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде – чья могла лошадка
Тебя догнать?
Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
– Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, –
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.
Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.
Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.
Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.
Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.
Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою
Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!
Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу –
И для тебя овса немного
Приберегу.
С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лежа
В последний путь.

ФИНДЛЕЙ
– Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я – Финдлей!»
– Ступай домой. Все спят у нас!
«Не все!» – сказал Финдлей.
– Как ты прийти ко мне посмел?
«Посмел!» – сказал Финдлей.
– Небось наделаешь ты дел..
«Могу!» – сказал Финдлей.
– Тебе калитку отвори..
«А ну!» – сказал Финдлей.
– Ты спать не дашь мне до зари!
«Не дам!» – сказал Финдлей.
– Попробуй в дом тебя впустить..
«Впусти!» – сказал Финдлей.
– Всю ночь ты можешь прогостить..
«Всю ночь!» – сказал Финдлей.
– С тобою ночь одну побудь..
«Побудь!» – сказал Финдлей.
– Ко мне опять найдешь ты путь.

«Найду!» – сказал Финдлей.
– О том, что буду я с тобой..
«Со мной!» – сказал Финдлей.
– Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» – сказал Финдлей.
ШЕЛЛ О'НИЛ
Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шела О'нил!»
Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'нил.
Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'нил!
У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины – Шелы О'нил!
СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ
В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.
Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но, наконец, жене моей
Пришло скончаться время.
Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда – мне неизвестно..
Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!
Я совершил над ней обряд –
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.
Она, я думаю, в раю..
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!
ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ
Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.
Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке.
А эта боль – предмет острот
И праздной шутки!
Бешусь я, исходя слюной,

Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
В аду щекочут!
Всегда жила со мной беда –
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
Подобной пытки!
И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
(В том нет сомнения!),
Ты будешь первой в ряду
Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволие,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!

ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.
Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.
Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.
Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья –
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!
Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!
Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

* * *

...– Нет ни души живой вокруг,
А на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг,
Пролететь через окно?

– Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:

Ко мне одна дорога есть –
Через церковный двор!..

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проснись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
Позволь в твой дом войти!
Впусти меня на эту ночь,
На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!
Я так устал и так продрог,
Я под собой не чую ног.

Пусти меня на свой порог
И на ночь приюти.
Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
Дай мне приют в пути!
Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!
ЕЕ ОТВЕТ

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И, значит, можешь путь назад
Ты без труда найти.
Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
я не могу – прости!
Пусть на ветру ты весь продрог, –
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
Позволит перейти!
В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
Как ей себя вести.
Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерег.
И это девушке урок,
Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
я не могу – прости!
ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ПЭГ НИКОЛЬСОН,
ЛОШАДИ СВЯЩЕННИКА
Ты славной клячею была,
И вот узнал я с грустью,
что по реке ты поплыла
И доплыла до устья.
Кобылой доброй ты слыла,
когда была моложе.
А нынче к морю уплыла,
Оставив людям кожу.
Ты от хозяина-попа
Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
И угодила к рыбам.
Давно, покорная судьбе,
Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
Духовное сословье!

МЕЛЬНИК
Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.
Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось –
Вся я поседела!
Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.
Достает из кошелька
Мельник деньги белые.

Я для мельника-друга
Все, что хочешь, сделаю!
ДЕВУШКИ ИЗ ТАРБОЛТОНА
В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу.
Девицы имеют успех, брат.
Но барышни Роналдс,
Живущие в Бённалс,
Милей и прекраснее всех, брат.
Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.
Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и нравом
И разумом здравым
Ровесниц своих превзошла, брат.
Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.
А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильней и прочней, брат.
Но ты не один
Мечтаешь о Джин.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр, –
И тот от нее без ума, брат.
Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.
Сестра ее Анна
Свежа, и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.
В нее я влюблен,
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.
А если в ответ
Услышу я «нет», –
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И безвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.
Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.
Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.
Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,

И сшил я две пары штанов, брат.
На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках – нехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.
От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб черт их побрал, брат.
Не плут, не мошенник,
Не нажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат!
МОЕ СЧАСТЬЕ

Доволен я малым, а большему рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком –
Пускай они к черту летят кувырком.
В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь – это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный – беспечный мой нрав,
И всем королям не лишить меня прав.
Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями – и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!
Возиться ли с клячей – судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
– Войдите! – скажу я, – авось проживем!
ПОЙДУ-КА Я В СОЛДАТЫ
На черта вздохи – ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох –
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!
Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.
* * *

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.
Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!
Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копья движутся рядами.
Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

ПЕСНЯ

Нынче здесь, завтра там – беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,

И скажи, что пришел тем же, что и был.
Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето – в поле и лес, ты – ко мне на грудь.
Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.
Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.
Нынче здесь, завтра там – беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока, наконец, куропатку нашли.
Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее влет,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.
Сметет она с вереска росы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.
С ней Феб восходящий поспорить хотел.
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.
Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж, наконец, куропатку нашли.
Она только фрр... – и пропала вдали!
Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее влет,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.
ПОЛЕВОЙ МЫШИ, ГНЕЗДО КОТОРОЙ РАЗОРЕНО МОИМ ПЛУГОМ
Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
За жизнь свою?
Не трусь – тебя своей лопаткой
Я не убью.
Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
Вернемся в прах.
Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею –
Была бы рожь!
Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не из чего снова
Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного

Укрыться в нем..
Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.
Травы, листья увядшей ком –
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?
Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...
Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.

* * *

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.
Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.
Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов
Она не прекрасна, но многих милей
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!
Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.
Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!
О ПОДБИТОМ ЗАЙЦЕ,
ПРОКОВЫЛЯВШЕМ МИМО МЕНЯ
Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твое разбойничье искусство!
Пускай твоей душе, лишенной чувства,
Не будет утешения вовек.
А ты, кочевник рощ, полей, лугов,
Где проведешь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждет родной зеленый кров.
Калека жалкий, где-нибудь в тиши.
Среди заросшей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадешь к земле кровавой раной.
Не раз, встречая над рекою
Нит Рассвет веселый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И прокляну того, кем ты убит!

ГОРНОЙ МАРГАРИТКЕ, КОТОРУЮ Я ПРИМЯЛ СВОИМ ПЛУГОМ

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.
Не жаворонок полевой –
Сосед, земляк, приятель твой –
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.
Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.
В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден средь нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!
Одетый в будничные наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.
Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.
Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает низменных сердец –
Подводных скал –
И там находит свой конец.
Где счастья ждал.
Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, –
Тем свет не мил.
И человек на дно идет
Лишенный сил.
И ты, виновник этих строк,
Держись, – конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок –
Нужда, недуг, –
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Сударыня,
Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.
В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою,
И юную подругу.
И шуткой,

Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы
Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести –
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!
я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.
Пусть родом,
Доходом
Гордится знатный лорд, –
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.
я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрестанно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад нежданный.
Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.
Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.
Да здоровствует стыдливый пол!
Когда мороз ревнивый зол,
Обняв подругу в танце,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдает
Огонь ее румянца.
Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.
Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!
Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским – вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлев,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.
Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед.
я в нем приятней музам.
Простой наряд страны моей,
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.
Прощайте!
Не знайте

Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!
МОИ ПАРЕНЬ
Он чист душой, хорош собой,
Такого нет и в сказках.
Он ходит в шляпе голубой
И вышитых подвязках.
Ему я сердце отдала, –
Он будет верным другом.
Нет в мире лучше ремесла,
Чем резать землю плугом.
Придет он вечером домой,
Промокший и усталый.
– Переоденься, милый мой,
И ужинать пожалуй!
Я накормить его спешу.
Постель ему готова.
Сырую обувь посушу
Для друга дорогого.
Я много ездила вокруг,
Видала местных франтов,
Но лучше всех плясал мой друг
Под скрипки музыкантов.
Как снег, сияли белизной
Чулки из шерсти тонкой.
Вскружил башку он не одной
Плясавшей с ним девчонке.
Уж с ним-то буду я сыта, –
Ведь я неприхотлива.
Была бы миска не пуста
Да в кружке было пиво!
СЧАСТЛИВАЯ ДРУЖБА
Беззаботны и свободны,
Мы собрались у огня.
Дружба полночью холодной
Вас пригрела и меня.
С каждым часом веселее
И дружнее тесный круг.
А когда мы захмелеем,
Нам опорой будет друг.
День и ночь трясется скряга
Над заветным сундуком,
И не знает он, бедняга,
Что с весельем незнаком.
В шелк и мех одет вельможа,
Но куда он нас бедней!
Даже совесть он не может,
Не солгав, назвать своей.
Кубок огненный друг другу
Мы всю ночь передаем.
И, пустив его по кругу,
Песню дружную поем.
В крепкой дружбе – наша сила.
Дружбе – слава и хвала.
Дружба кубок освятила
И сюда нас привела!
ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом,
А кто не желает свободе добра.
Того не помянем добром.
Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.
За тех, кто далёко, мы пьем,

За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.
Свободе – привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.
Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен

В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ
Прикрытый лаврами разбой,
И сухопутный и морской,
Не стоит славословья.
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.
Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

ПОСЛАНИЕ К СОБРАТУ-ПОЭТУ

I
Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь, –
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.
Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы.

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

II
Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.
Но, Дэви, парень, что роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мыс горем
Поспорим.
Нам старость – нипочем!
Да и нужда –
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III
Ночлег в амбаре на земле,

Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь, –
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.
Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.
Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь и счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV
Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.
Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.
На склонах Зелёных
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V
Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.
Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.
Успехи,
Утехи
Не стоят ни гроша.
Ты прав иль нет, –
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI
Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Несчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас –
Простой, честной народ?
Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних – тяжелый труд,
Удел других – разврат.
В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чертов ад
Не веруют они.

VII
Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?

А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.
Пускай беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаёшь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.
Напасти,
Несчастья –
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

Собрать мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобрести.
Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду «МЭГ» зовут,
А «Джин» зовут мою.
Довольно
Невольню
Мне вспомнить имя Джин, –
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей.
Всего, чем я живу.
Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигает грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.
В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград –
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.
Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.
Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

XI

Назвал я Джин – и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.
И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его пришпорь, –
Пойдет он рысью, вскачь и впляс,
Забыв и лень и хворь.

Но потное

Животное

Я должен пожалеть.

Пора в пути

С коня сойти

И пот с него стереть.

СОН

Отрывок

За речи, мысли и дела карает нас закон,

Но не карает никого за вольнодумный сон.

Пропитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие:

Прошу, примите, государь,

Привет ко дню рожденья,

Как принимали вы и встарь

Поэтов поздравленья.

В кругу вельмож поэт-плугарь –

Престранное явленье.

Но, заглянув в свой календарь,

Спешу к вам в этот день я,

В столь славный день.

Сияют яркие огни.

Теснится знать в приемной.

И «Боже, короля храни!»

Твердят кукушки томно.

Стихами славит ваши дни

Поэтов хор наемный,

Припомнив доблести одни,

Не видя тени темной

В столь светлый день

Но льстивых од я не припас,

Обычных в этом зале.

К тому ж я не в долгу у вас –

Мне пенсий не давали.

Сказать могу я без прикрас

И ошибусь едва ли,

что были хуже вас у нас

и лучшие бывали

в минувший день.

Пускай не звучно, не красно

мое простое слово,

но с правдой спорить мудрено.

Она всегда сурова.

Гнездо у вас разорено,

его мы чиним снова,

а что в гнезде сохранено,

есть только треть былого

на этот день.

Законодателя страны

я не хочу бесславить,

сказав, что вы не так умны,

чтоб наш народ возглавить.

но вы изволили чины

и званья предоставить

шутам, что хлев мести должны,

а не страну править

в столь трудный день!

вы дали мир нам наконец.

мы чиним руки, ноги.

Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.
Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
В печальный день.
Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито.
Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но черт возьми!
Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
В столь грозный день.
Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью
Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья, –
Он королеве шлет привет,
А также поздравленья
В столь славный день!..
НАСЕКОМОМУ, КОТОРОЕ ПОЭТ УВИДЕЛ
НА ШЛЯПЕ НАРЯДНОЙ ДАМЫ ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ
Куда ты, низкое созданье?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
А высший свет –
Тебе не место: пропитанья
Тебе здесь нет.
Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
Беги туда,
Где голод, холод и зараза
Царят всегда.
Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
Где борона
Из гладкой кости или рога
Вам не страшна!
А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной, –
Тебе бы спрятаться негодной,
В шелка, в цветы...
Но нет, на купол шляпки модной
Залезла ты!
На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты – крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.
Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!
И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...
Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним – зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны, –

О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!
ТЭМ ГЛЕН
Ах, тетя, совета прошу я!
Пропала, попала я в плен.
Обидеть родню не хочу я,
Но всех мне милее Тэм Глен.
С таким молодцом мне не надо
Бояться судьбы перемен.
Я буду и бедности рада, –
Лишь был бы со мною Тэм Глен.
Наш лорд мне кивает: «Плутовка!..»
Ну что тебе, старый ты хрен?
Небось ты не спляшешь так ловко,
Как пляшет под скрипки Тэм Глен.
Мне мать говорила сердито:
– Мужских опасайся измен.
Повесе скорей откажи ты! –
Но разве изменит Тэм Глен?
Сулит за отказ мне сто марок
Отец, да не знает он цен!
Сто марок – богатый подарок,
Но много дороже Тэм Глен!
Я в день Валентина гадала.
О, как же мой жребий блажен!
Три раза я жребий кидала,
И вышло три раза: Тэм Глен.
Под праздник осенний я тоже
Гадала. И вижу: вдоль стен
Идет – до чего же похожий! –
В штанах своих серых Тэм Глен.
Кто ж, тетя, возьмет меня замуж?
Ты мне погадай, а взамен
Я черную курицу дам уж, –
Но только скажи, что Тэм Глен!
КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС
КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,
Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела, –
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.
Сказала Бесси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
– Идти я замуж собралась.
– Ну что ж, худого в этом нет.
Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать – время есть –
Себе усадьбу хоть куда!
Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень – клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.
– Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, –
Зачем любить ему жену!
Мне Робин по сердцу давно,
И знаю, – я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!
– Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью – путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильней руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!
– О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!
Пусть мой удел – убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев, –
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

В ЯЧМЕННОМ ПОЛЕ
Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.
Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.
Вечерней поздней порой –
Иль очень ранней, что ли? –
Я убедил ее со мной
Побыть в ячменном поле.
Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.
В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.
Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал – до боли
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.
С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.
Но все, что пережито мной,
Не стоит сотой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ
Моя любовь давно минувших лет,
Твой милый голос в сердце не умолк
Прими же дружбы искренний привет.
Да, дружбы, – лишь ее нам разрешает долг.
Когда получишь этот скромный дар,
Вздыхни разок, подумав обо мне –
О том, кого томит в краю полдневном жар
Иль океан таит в холодной глубине.

ЦВЕТОК ДЕВОНА
О как ты прозрачен, извилистый Девон,
Кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Девон,
У берега Эйра когда-то расцвел.
Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой.
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой.
Мимо лети, седокрылый восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет.
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.
Лилией стройной гордятся Бурбоны,

В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Девона скромно цветет.
ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ
Прощусь, Элиза, я с тобой
Для дальних, чуждых стран.
Мою судьбу с твоей судьбой
Разделит океан.
Пусть нам в разлуке до конца
Томиться суждено, –
Не разлучаются сердца,
Что спаяны в одно!
Оставлю я в родной стране
Тебя, мой лучший клад.
И тайный голос шепчет мне:
Я не вернусь назад.
Последнее пожатье рук
Я унесу с собой.
Тебе – последний сердца стук
И вздох последний мой.
МОЕМУ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ
Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
Боясь упрека
Или неправого суда
Молвы жестокой.
Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
Любви награда,
Хоть ты, по мненью всех церквей, –
Исчадьё ада.
Пуškai открыто и тайком
Меня зовут еретиком.
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи, –
Должны от скуки языком
Молоть старухи!
И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный. –
В твоём рожденье виноват
Я безусловно.
Ты – память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
Как нужно людям.
Но мы делить с тобой обед
И ужин будем.
Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
Забот не зная.
Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.
Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать

Нельзя, конечно!
ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ
Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
Но мне и бедность не беда,
Не будь любви на свете.
Зачем разлучница-судьба –
Всегда любви помеха?
И почему любовь – раба
Достатка и успеха?
Богатство, честь в конце концов
Приносят мало счастья.
И жаль мне трусов и глупцов,
Что их покорны власти.
Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет –
Хранить благоразумье.
Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?
На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.
Ах, почему жестокий рок –
Всегда любви помеха
И не цветет любви цветок
Без славы и успеха?
ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?
Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.
Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!
Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится – такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретила с ним.
Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти –
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!
СВАТОВСТВО ДУНКАНА ГРЭЯ
Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под Рождество
К нам свататься приехал он...
Вот это сватовство!
Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!
Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги будто бы глуха –
Не слышит ничего.
Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!
Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила –
Вот это сватовство!

– Я, – говорит, – не так уж глуп,
чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! –
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров.
Вот это сватовство!
Что злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!
Был добрый парень – Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!
Не мог он грех на совесть взять –
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это – сватовство!
МОЛИТВА СВЯТОШИ ВИЛЛИ
О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад –
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.
Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
чтоб я твою премудрость славил
и мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.
Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью.
Шесть тысяч лет –
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.
Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево –
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.
Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
Караю грех
И благочестия примером
Служу для всех.
Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
Подняв галдеж.
Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вожделенья
Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
Создал господь!
Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мэгги-недотрогу.
Клянусь всевидящему богу,
Обет приму,
что на нее я больше ногу

Не подниму!
Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицой,
Гостил тайком.
Но я в тот день, как говорится,
Был под хмельком.
Но, может, страсти плоти бренной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
Терпеть готов!
Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
Кто без конца
Дает нам клички, строит рожи,
Забыв творца.
К таким причислить многих можно.
Вот Гамильтон – шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
Он совратил.
Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
С толпой друзей, –
Господь, сгнои его картошку
И сельдерей!
Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)
Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
В своих речах!
Вот Эйкен. Он – речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нещадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
Вгоняло в пот.
Для нас же – чад твоих смиренных
Ты не жалея своих бесценных
Даров – и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!
НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЕМУ ЖЕ
Святого Вилли жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.
Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?
А, понимаю, – это черт
С девятихвостой плеткой.
– Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?
Я знаю, жалость вам чужда
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощенный...
Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?

Покойник был такой дурак,
что засмеют вас черти!

* * *

Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного
И все кричали: – В добрый час!
Он не вернется сызнова!
Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт, –
К нам не придет акцизный!
Есть пляски разные у нас
В горах моей отчизны,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Мой друг – лукавый, ловкий вор,
Не воровал ты до сих пор.
Зато сердца твой быстрый взор
Умеет красть.

Перед тобой любой затвор
Готов упасть.

И сам я устоять не мог.
Не раз к тебе, не чуя ног,
Шагал я по камням дорог
И грязь месил,
И ровно двадцать пар сапог
Я износил.

Ты создан был природой шалой
Из дорогого матерьяла.

Она тобою увенчала

Наш скудный век

И каждой черточкой сказала:
– Вот человек!

Сейчас я в творческом припадке,
Башка варит, и все в порядке.
Строчу стихи, как в лихорадке,
А ты, мой друг,
Прочти их бегло, если краткий
Найдешь досуг.

Одни рифмуют из расчета,
Другие, чтоб задеть кого-то,
А третьи тщетно ждут почета
И громкой славы,
Но мне писать пришла охота
Так, для забавы.

Я обойден судьбой суровой.
Кафтан достался мне дешевый,
Убогий дом, доход грошовый,
Я весь в долгу,
Зато игрой ума простого
Блеснуть могу.

Поставил ставку я задорно
На четкий, черный шрифт наборный,
Но разум мне твердит упорно:
– Куда спешишь?

Ты этой страстью стихотворной
Всех насмешишь!

Поэты, – где такие ныне? –

Собаку съевшие в латыни,

Мечтали, полные гордыни,

Жить сотни лет,

Но их давно уж нет в помине, –

Простыл и след.

Итак, пора мечту оставить

Себя поэзией прославить.

Косу и серп я буду править,

Налажу плуг

и буду петь, чтоб позабавить
Поля вокруг.
Я проживу безвестной тенью,
Не слыша, как бегут мгновенья.
Когда ж порвутся жизни звенья, –
Покину свет.
Как и другие поколенья
Которых нет.
Но говорить о смерти рано.
Полны мы жизнью неустанной.
Давай поднимем парус рванный,
Возьмем штурвал,
Чтоб ветер счастья пеной пьяной
Нас обдавал.
Мой друг, живем мы в царстве феи,
Где смех – оружие чародея.
Коль, этой палочкой владея,
Отдашь приказ,
Часы бегут минут быстрее,
Пускаясь в пляс.
Не трать же время жизни краткой!
Примерно с пятого десятка
Мы вниз с горы походкой шаткой
Трусить должны,
Одышкой, кашлем, лихорадкой
Изнурены.
Когда достигли мы заката,
Бродить, мечтать нам скучновато.
Вино слабее, чем когда-то,
Бьет через край.
И то, чем жизнь была богата, –
Любовь, – прощай!
Но жизнь безоблачна вначале,
Мечта лучами красит дали.
Летим, не слушая морали,
Мы на простор,
Как мальчишки, что побежали
На школьный двор.
Мы на ходу срываем розы,
Не замечая в них угрозы.
И даже первые занозы
Нам не страшны.
Мгновенно солнце сушит слезы
Во дни весны.
Одни идут дорогой гладкой
И, не трудясь в поту над грядкой,
Едят обильно, жирно, сладко
И свысока
Глядят на дом с оградой шаткой –
Дом бедняка.
Другие борются за счастье,
Полны надежды, воли, страсти,
Стремясь достичь богатства, власти
Любой ценой,
Чтобы потом, забыв ненастье,
Вкушать покой.
А третьи, путь покинув торный
(как, скажем, ваш слуга покорный),
Сбиваются с тропинки горной
Туда-сюда.
Таким на склоне лет бесспорно
Грозит нужда.
Но лучше труд до изнуренья,
Чем с жалкой жизнью примиренье.
Пусть смотрит с неба бледной тенью
Фортуны серп,
Не помешает вдохновенью
Ее ущерб.

Но здесь перо я оставляю
И провиденье умоляю,
Пред ним колени преклоняя:
Пускай со мной
Кочует вместе в край из края
Созвучий рой.
Дай сочный ростбиф местным лордам,
Чтоб жир по их струился мордам,
Дай галуны гвардейцам гордым
И боевым,
А виски – на ногах нетвердым
Мастеровым.
Дай демпстеру[2] желанный титул,
Подвязку дай премьеру Питту...
Стремится к прибыли, кредиту
Негоциант.
А мне лишь разум сохрани ты,
Да и талант.
Мне для покоя нужно мало:
Чтобы здоровье не хромало.
Ну и обед какой попало,
Простой на вкус,
Но чтоб молитву прочитала
Одна из муз.
Мне не страшны судьбы угрозы,
Ненастье, стужа и морозы.
Гоню я рифмой вздохи, слезы,
Пою, шучу
И, враг заботы, скуки, прозы,
Стихи строчу.
Вы, что по правилам живете
В тиши, в довольстве и в почете,
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте –
Душа у вас.
На ваших лицах деревянных,
Таких безличных, безымянных,
Нет и следа восторгов пьяных.
Ваш голос глух.
Он, как басы в плохих органах,
Томит наш слух.
Ступая важно и степенно,
На тех вы смотрите надменно,
Которым море по колено, –
На грешный люд, –
И ввысь взираете блаженно.
Там – ваш приют!
А я куда пойду – не знаю,
К воротам ада или рая.
Но, эту песню обрывая,
Скажу я, брат,
Что буду я любому краю
С тобою рад!
ТЭМ О'ШЕНТЕР
Повесть в стихах
Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот,
Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово

Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.
Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.
А город, где он нализался –
Старинный Эйр, – ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.
О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги – мудрой Кэтти.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:
«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропиал с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»
О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...
Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед – сапожник Джон –
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!
Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!
Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.
Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!
Но счастье – точно маков цвет:
Сорвешь цветок – его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед.
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!
Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.
Но поворот за поворотом –
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он несясь вдаль, взметая грязь.
То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...
Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов.
Невдалеке – знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.
Здесь, у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.
Там – под поникшею ракитой –
Младенец найден был зарытый.
А дальше – тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...
Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.
Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоёю чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..
Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волюнки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.
И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:

Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.
На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волышкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.
Все веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.
Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.
Тут были крошечные дети,
Что мало пожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины...
Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.
Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы все быстрее,
Неслись вприпрыжку и вприскок,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.
Будь эти пляшущие тетки
Румянощекие красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно, –
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.
А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!
Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)
Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой

Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет нэнни
Среди чертей и привидений...
Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.
Но вот прыжок, еще прыжок –
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжело:
«Ах ты, короткая рубашка!..»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...
Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...
Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетаю,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!»
Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...
О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена –
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, –
Ее бока в поту и в мыле.
О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!
Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста!..
В последний раз, собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост...
Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!..
На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас
Прельстится полною баклажкой
Или короткою Рубашкой, –
Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

ПЕСНЯ

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни – тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни – тебя не заставлю я ждать!
Но в оба гляди, пробираясь ко мне.

Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.
А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подружкой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше – смотри! – на меня не смотри,
А больше – смотри! – на меня не смотри!
Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!
Ты свистни – тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни – тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни – тебя не заставлю я ждать!
НОЧЛЕГ В ПУТИ
Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.
По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.
Я низко поклонился ей –
Той, что спасла меня в метель.
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.
Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.
Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: – Нельзя ль
Еще подушку принести?
Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.
В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
– Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!
Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистой роз,
Та, что постлала мне постель.
А грудь ее была кругла, –
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.
Я целовал ее в уста –
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.
Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.
Проснувшись в первом свете дня,
В подружку я влюбился вновь.
– Ах, погубили вы меня! –
Сказала мне моя любовь.
Целуя веки влажных глаз

И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: – Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!
Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...
Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!
* * *

С лучом прощаясь на ходу,
Она идет в зеленый сад.
Цветок, раскрывшийся в саду,
Ее прощальный ловит взгляд.
Как рады птицы вместе с ней
Встречать приветом юный год.
При ней свежее и милей
Ее сестры – весны приход.
Мигает солнце городку
И свежей зелени долин.
Но в этом славном городке
Нет никого прекрасней Джин.
Без милой Джинни нет цветов,
Без милой Джинни рай – не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.
В пещере с ней найду уют,
Согласен жить в норе любой.
Там, где метели воздух рвут,
Я заслону ее собой.
Над городком пробив часы,
Уходит вниз багряный шар...
Но никогда такой красоты
Не озарял его пожар!..

БЕРЕЗЫ ЭБЕРФЕЛЬДИ
Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?
Холмы, смеясь, уходят вдаль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.
Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике уют,
Или на крылышках снуют
В зеленом Эберфельди.
Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И рощи свежести полны
В зеленом Эберфельди.
Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.
Пускай судьба дарит свой клад
Кому захочет – наугад,
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди!
* * *

Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Поедем верхом иль в карете вдвоем,
А то и пешком по дорогам пойдем.
Отца твоего мне не нужен доход.
На что мне твой гордый и чопорный род?

Делить и нужду и достаток со мной
Приди ко мне, Тибби, в юбочке одной.

БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.
Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!
Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.
Красавиц всех затмит она,
Хотя её не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

ПРОЩАНИЕ

Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или, вернее, замечать страданья?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни –
Судьбу любимой хрупкой красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, – увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Занозу, разрывающую сердце.
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось. Я погиб.
Томсон. «Эдвард и Элеонора»

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья –
Сестра, и брат, и мать моя,
И скорбная подруга!
С тоской тебя я обниму,
Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
С надеждой поручаю.
И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Семью мою согрей!
А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод, и позор,
И суд молвы жестокий.
Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнанье
Я благодарно сберегу
О вас воспоминанье.
Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,

Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.
А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.
Пусть сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, –
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.
И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.
К ПОРТРЕТУ РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА,
ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА
Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.
Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?
О ПАМЯТНИКЕ,
ВОЗДВИГНУТОМ БЕРНСОМ
НА МОГИЛЕ ПОЭТА
РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА
Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
– Шотландия! Под камнем – твой поэт!
НАДПИСЬ
НА БАНКОВОМ БИЛЕТЕ
Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И шлешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.
Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно единым махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщенья хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.
* * *
Всю землю тьмой заволокло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам – луна,
А солнце – чарочка вина.
Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!
Богатым – праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.

Но здесь равны и знать и голь:

кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,

Хозяйка, хозяйка!

Стаканы сосчитай-ка

И дай еще вина!

Святой источник – мой стакан:

Он лечит от сердечных ран.

Ловлю я радости в вине,

Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,

Хозяйка, хозяйка!

Стаканы сосчитай-ка

И дай еще вина!

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

Кантата

Когда, бесцветна и мертва,

Летит последняя листва,

Опалена зимой,

И новорожденный мороз

Кусает тех, кто гол и бос,

И гонит их домой, –

В такие дни толпа бродяг

Перед зарей вечерней

Отдаст лохмотья за очаг

В какой-нибудь таверне.

За кружками

С подружками

Они пред очагом

Горланят,

Барабанят,

И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,

У очага сидел солдат

В ремнях, с походным ранцем.

Пред ним любовница была,

От хмеля, ласки и тепла

Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,

Ласкал он побирушку,

А та к нему тянула рот,

Как нищенскую кружку.

И чокались

И чмокались

Сто раз они подряд,

Пока хмельную песню

Не затянул солдат.

ПЕСНЯ

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,

Украшает грудь мою много ран.

Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке

В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано – у Абрамова кургана.

В этой битве пал мой капитан.

И учился я не в школе, а в широком ратном поле

Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку, –

Вы узнаете по стуку мой чурбан.

Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,

Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги

В дождь и стужу, в бурю и туман.

Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя милашка

Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа

И постелью служит мне бурьян, –

Выпью кружку и другую, поцелую дорожку

И пойду на всех чертей под барабан!

РЕЧИТАТИВ

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.
Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девницей была я, – не помню когда, –
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!
Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.
Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, – в том любовь виновата, –
Я же телом своим. И ушла от солдата.
Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком –
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.
После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир – на заплате заплатата.
То-то рада была я увидеть солдата!
Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, – за солдата!

РЕЧИТАТИВ

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирая он, что поют,
И только пил ее здоровье.
Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

ПЕСНЯ

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной – дураком по профессии!
Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух – до старости олух.
Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я попрос – и бочонок попрос
И стал здоровенною бочкой!
За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.
Я – клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате,
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливым соперник в палате!
А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак –
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя – и бесплатно – дурак,
Тот очень немногoго стоит!..

РЕЧИТАТИВ

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог, –
Сам сатана ее берег.
В былые дни – во время оно –
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

ПЕСНЯ

Мой Джон – дитя шотландских скал –
Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.
Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!
Он был как щеголь разодет –
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.
От речки Твид до речки
Спей с ватагой буйною своею
Мы кочевали – я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.
Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен, –
И вновь ко мне вернулся Джон.
В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!
И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...
Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!
– За Джона! – гаркнул пьяный хор, –
Он был красой Шотландских гор!..

РЕЧИТАТИВ

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.
Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом пискливым
Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленной будь
И все прошедшее забудь.
Плевать на остальное!
Житье на свете скрипачу –
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
Плевать на остальное!
Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, –
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!
Мы будем корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»
Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, –
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!

РЕЧИТАТИВ

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, –
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдове.
Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.
Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...
Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

ПЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю доесть.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком Из дома в дом.
На мне прожжен передник.
Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять.
Чинить-паять
Кастрюли!
Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.
Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

РЕЧИТАТИВ

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.
Скрипач им больше не мешал,

И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!
Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.
Ее супруг – по ремеслу
Поэт, певец природы –
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!
Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.
Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
И пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я – лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример – слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.
И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.
Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет –
И все такое прочее!
Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, –
Великий грех и прочее!
Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.
За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил – и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке мог, –
Медяк, запрятанный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.
Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.
Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

ПЕСНЯ

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,

Все пьяны и все равны!
К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы – трусам оборона,
Церкви – ханжеству приют.
Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним – дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!
Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.
Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.
Жизнь – в движенье бесконечном
Радость – горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится – их нет!
Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!
Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!
БЕСПУТНЫЙ, БУЙНЫЙ ВИЛЛИ
Беспутный, буйный Вилли
Поехал на базар.
Продать хотел он скрипку,
Купить другой товар.
Но, скрипку продавая,
Заплакал он над ней.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись домой скорей!
– Продай свою скрипку, Вилли.
Продай и смычок, старина.
Продай свою скрипку, Вилли,
И выставь нам пинту вина.
– Ах, если бы продал я скрипку,
Безумным меня бы сочли.
Не раз мы счастливое время
Со скрипкой моей провели!
Вот еду через город,
Гляжу – трактир открыт.
Беспутный, буйный Вилли
За стойкою сидит.
Сидит за стойкой Вилли
В компании друзей.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись ко мне скорей!
СТАРЫЙ РОБ МОРРИС
Вот старый Роб Моррис. А кто он таков?
Король за столом, старшина стариков.
Он славится стадом – коров и свиней
И дочкой – отрадой своей и моей.
Прекрасней, чем утро в сиянии рос,
Свежей, чем закат на лугах в сенокос,
Она, как ягненок, резва и нежна.
Мне света дневного дороже она.
Но садом и стадом отец ее горд.
В усадьбе живет он не хуже, чем лорд.
У нас же с отцом только домик и двор.
Немногого стоит такой ухажёр.
Забрезжит ли утро, – не мил мне рассвет.

Настанет ли вечер, – покоя мне нет.
Смертельную рану от всех я таю,
И жалобы грудь разрывают мою.
Была бы невеста чуть-чуть победней,
я мог бы, пожалуй, посвататься к ней.
Как жадно я ждал бы заветного дня.
А жить без надежды нет сил у меня!

ПЕСНЯ

Как слепы и суровы
Порой отец и мать,
что дочь свою готовы
Богатому продать.
И дочь, гонимая отцом,
Изнурена борьбой,
Должна покинуть отчий дом
И стать женой-рабой.
Так сокол над голубкой
Без устали кружит.
Своей добычи хрупкой
Злодей не пощадит.
Бедняжка мечется, пока,
Отчаянья полна,
К ногам жестокого стрелка
Не бросится она.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Он меня поцеловал
И ушел по склонам гор.
На уступы серых скал
Все гляжу я с этих пор.
Пощади его в пути,
Дробный дождь, трескучий град.
Горных троп не замети
На вершинах, снегопад!
В бледном сумраке ночном
Не кружись, метель, над ним –
Пусть он спит спокойным сном
И проснется невредим.
Пусть меня он назовет
И в долину кинет взгляд,
Путь ведет его вперед,
А любовь зовет назад.

ЛОРД ГРЕГОРИ

Баллада

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.
Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня хоть пожалей.
Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.
Ты небом клялся мне не раз,
что будешь ты моим,
что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.
Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!
О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.

* * *

Роскошен, леди, ваш убор,
Шелками вышит ваш узор,
А Дженни в юбочке простой
И без шелков пленяет взор.
Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни, фермерскую дочь.
Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.
Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там девушка живет в тиши,
Цветок, раскрывшийся в глуши.
Две стройных ножки поутру
Скользят по мшистому ковру,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках задорных синих глаз.
Осанка леди и наряд –
Образчик вкуса, говорят.
Но та сулит нам рой утех,
Кого мы любим больше всех.
ГДЕ К МОРЮ КАТИТСЯ РЕКА
Где к морю катится река,
Быстра, бурлива и звонка,
Там я встречала паренька,
Веселого ткача.
Семь женихов из-за реки
Пришли просить моей руки.
Не рвать же сердце на куски, –
Отдам его ткачу!
Меня бранят отец и мать,
Им по душе богатый зять.
Они велят мне отказать
Веселому ткачу.
Отец мой жаден и упрям,
Грозит: «Приданого не дам!»
Но к сердцу руку я придам –
И все отдам ткачу.
Пока вода в реке бежит,
Пока пчела в цветке жужжит
И рожь под ливнями дрожит,
Любовь моя – ткачу!
* * *

Стакан вина и честный друг.
Чего ж еще нам, братцы?
Пускай забота и недуг
В грядущей тьме таятся,
Мы ловим радости в пути, –
Пугливо наше счастье.
Оно исчезнет – и найти
Его не в нашей власти.
ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР
Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей.
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.
Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как ручьи, мечты мои
К тебе стремятся, Джин.
Тебя напоминает мне
В полях цветок любой.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.
Бубенчик ландыша в росе,

Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин.
На Клайд-реке богат, хорош
У девушек наряд,
Но лучше Джинни ты найдешь
Красавицу навряд.
Девиц мы знаем городских,
Одетых в шелк, муслин.
Но всех прекрасней щеголих
В холщовом платье Джин.
Она милей и веселей
Ягненка на лугу.
И никаких грехов за ней
Признать я не могу.
Ее глаза яснее дня,
А грех ее один:
С такою щедростью меня
Дарит любовью Джин!
О ветер западный, повеи,
Зашелести листвою.
Пусть нагруженная с полей
Летит пчела домой.
Мою любовь ко мне верни
С холмов твоих, равнин.
Улыбкой пасмурные дни
Мне озаряет Джин.
Какие клятвы без числа
Соединили нас.
Как нам разлука тяжела
Была в рассветный час!
Кто знает души всех людей
До самых их глубин, –
Тот видит, что всего милей
Мне в этом мире Джин!
ИЗ ПОЭМЫ «СВЯТАЯ ЯРМАРКА»
Был день воскресный так хорош.
Все было лету радо.
Я шел в поля взглянуть на рожь
И подышать прохладой.
Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели.
Резвились зайцы – прыг да прыг
И жаворонки пели
В тот ясный день.
Бродил я, радостью дыша
И вглядываясь в дали,
Как вдруг три женщины, спеша,
Мне путь перебежали.
На двух был черный шерстяной
Наряд – назло природе.
На третьей был наряд цветной
По моде, по погоде
В тот летний день.
Две первых были меж собой,
Как близнецы, похожи
Унылым видом, худобой
И мрачною одежей.
А третья козочкой шальной
Попрыгивала весело
И вдруг присела предо мной
И мне поклон отвесила
В тот яркий день.
Я шляпу снял и произнес:
– Я вас припоминаю,
Но извините за вопрос, –
Как звать вас, я не знаю.
С кивком задорным головы,

Смеясь, она сказала:
– Со мною заповедей вы
Нарушили немало
В досужий день!
Я – ваша Радость, я – Игра,
А это – Лицемерье,
И рядом с ней – ее сестра,
Глухое Суеверье.
Давайте в Мохлин мы пойдем
И, если две сестрицы
Идут на ярмарку, найдем
Предлог повеселиться
Мы в этот день.
– Нет, я пойду сперва домой
И праздничную смену –
Сюртук и новый галстук мой –
Для ярмарки надену.
Поспел я к завтраку как раз,
Надел костюм воскресный.
А уж на праздник в этот час
Спешил народ окрестный
В тот шумный день.
Трусил фермеры верхом,
Шли батраки оравой.
И молодежь одним прыжком
Брала в пути канавы.
Бежали в праздничных шелках
Девушки-босоножки,
Несли сыры они в руках
И сдобные лепешки
В тот добрый день.
Монетку бросить был я рад
В тарелку с медью мелкою,
Но, уловив святоши взгляд,
Бросаю две в тарелку я.
Я в загородку заглянул.
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
В свободный день.
Для знати выстроено навес
(Изменчива погода!).
А вот стоит вертушка Джесс,
Мигая всем у входа.
Ее подружки сели в ряд, –
Без них какая ярмарка!
А там ткачи сидят, галдят
(Из города Кильмарнока).
Пришел их день!
Здесь кто вздыхает о грехах,
Кто в гневе шлет проклятья
Тем, кто измазал впопыхах
Их праздничные платья.
Кто сверху смотрит на других
Высокомерным взглядом,
А кто веселых щеголих
Зовет усесться рядом
В привольный день.
Но бесконечно счастлив тот,
Кто, отыскав два места,
Местечко рядышком займет
С подругой иль невестой.
Глядишь, рука его легла
За ней – на спинку стула,
Потом ей шею обняла,
А там на грудь скользнула
В тот чудный день.
Уселась публика и ждет.

Ни суеты, ни шума.
Вот Модя[3] речь держать идет,
Унылый и угрюмый.
Он целый час пугает нас
Десницею господнею.
Сам дьявол от его гримас
Сбежал бы в преисподнюю
В столь грозный день.
Толкуя нам один, другой
И третий тезис веры,
Он гневно топает ногой,
Волнуясь свыше меры.
Распутника и гордеца
Громит курносый пастырь
И жжет отступников сердца,
Как самый жгучий пластырь,
В тот страшный день.
Но вот встают сердито с мест
Земные наши судьи.
И впрямь, – кому не надоест
Такое словоблудье!
Речь произносит мистер Смит[4],
Но люд благочестивый,
Уже не слушая, спешит
К холодным бочкам пива
В столь жаркий день...
* * *

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей зато.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.
Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что у меня займы возьмешь?
И я не брал ни у кого.
Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.
Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.
ЗИМА ПРОНЕСЛАСЬ
Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне
С тех пор, как любовь разлюбила меня.
Шиповник расцвел для проснувшихся
Поют коноплянки в честь вешнего дня.
Их в гнездышке двое, сердца их в покое.
Моя же любовь разлюбила меня.
* * *

Был я рад, когда гребень вытачивал,
Был я рад, когда ложку долбил
И когда по котлу поколачивал,
А потом свою Кэтти любил.
И, бывало, под стук молоточка
Целый день я свищу и пою.
А едва только спустится ночка,
Обнимаю подругу мою.
Бес велел мне на Бесси жениться,
Погубившей веселье мое...
Пусть всегда будет счастлива птица,
Что щебечет над прахом ее!
Ты вернись ко мне, милая Кэтти.
Буду волен и весел я вновь.
Что милей человеку на свете,

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Чем свобода, покой и любовь?

НЭНСИ

– Муженек, не спорь со мной,
Не сердись напрасно,
Стала я твоей женой –
Не рабой безгласной!

– Признаю права твои,
Нэнси, Нэнси,

Ну, а кто ж глава семьи,
Дорогая Нэнси?

– Если ты мой властелин,
Подыму восстанье.
Будешь властвовать один, –
С тем и до свиданья!

– Жаль расстаться мне с тобой,
Нэнси, Нэнси,

Но смирюсь я пред судьбой.
Дорогая Нэнси!

– погоди, дождешься дня:
Лягу я в могилу.

Но, оставшись без меня.
Что ты скажешь, милый?

– Небо в помощь призову,
Нэнси, Нэнси,

И авось переживу,
Дорогая Нэнси!

– Но и мертвая не дам
я тебе покоя.

Страшный призрак по ночам
Будет пред тобою!

– Я жену себе найду
вроде Нэнси, Нэнси –

И все призраки в аду
Затрепещут, Нэнси!

СМЕРТЬ И ДОКТОР ГОРНБУК
Иные книги лгут нам сплошь.

А есть неписаная ложь.
Ты и священников найдешь,

что правду божью,
Впадая от восторга в дрожь,
Мешают с ложью.

Но в том, о чем я речь веду,
От правды я не отойду,
Как в том, что черт живет в аду
Иль в недрах Дублина.

(Ах, много – людям на беду –
Им душ загублено!)

Хлебнул я браги вечером,
Но не был пьян, а под хмельком

я обходил, бредя пешком,
Бугры, канавы

И знал, что куст манит кивком,
А не лукавый.

Холмистый Камнок я узнал,
Едва лишь месяц заблистал.

Его рога считать я стал,
Шагая шире.

Сначала три я насчитал,
Потом – четыре...

Вослед за верным посошком
По склону я трусил шажком –

Мне путь был издавна знаком
К запруде Вилли.

Но вдруг, сорвавшись, я бегом
Бежал полмили.

Тут нечто предо мной предстало
С косою острою, чье жало

С плеча костлявого свисало

И с острой,
что сталью под луной сверкала,
В руке другой.
С косою сажень вышиною
Оно стояло предо мною,
Без брюха, страшное, худое,
Горбом спина,
А что за ноги! Тоньше вдвое
Веретена.
Спросил я: – Друг! Узнать нельзя ли,
Должно быть, вы сегодня жали?
А мы ведь только сеять стали.
Я с вами рад
Вернуться в дом, где выпивали
Мы час назад!
– Я Смерть! – чудовище сказало, –
Но ты пока не бойся, малый!..
– Я не боюсь, хоть ты, пожалуй,
Меня убьешь.
Но я прошу: взгляни сначала
На этот нож!
Смерть отвечала мне: – Сынок,
Ты спрячь подальше свой клинок.
Подумай сам, какой в нем прок.
Его удары
Страшны не больше, чем плевков,
Для Смерти старой!
– Что ж, уговор – так уговор! –
Сказал я. – Бросим этот спор.
Присядь со мной на косогор –
Ведь ты устала –
И расскажи, что с давних пор
Перевидала.
– О да! – сказала Смерть, садясь,
Почти что вечность пронеслась
С тех пор, как жать я принялась
По воле божьей.
Всем в мире надо жить, трудясь.
И Смерти – тоже.
Но у меня не жизнь, а мука.
Ты слышал имя Горнбука?
Уж так хитра его наука,
Что стар и млад –
От деда дряхлого до внука –
Меня стыдят.
Бывало, под косою длинной,
Подобно травам луговины,
Народ, не знавший медицины,
Ложится сплошь...
Теперь меня с косою старинной
Не ставят в грош!
Вчера я жертву поразила
Своим копьем – с такою силой,
Что семерых бы уложила,
Пронзив, как гвоздь,
Но острие лишь притупила,
Задев о кость.
Что это, думаю, за штука?
А это – дело Горнбука!
Тут помогла его наука
Или искусство:
Копье в ребро вошло без стука –
Как бы в капусту.
Больной остался бы калекой,
Не помоги ему аптекой
Или ланцетом лысый лекарь –
Ваш Горнбук.
Не раз он вырвал человека

Из цепких рук.
Он изгонял из тех заразу,
Кого и не видал ни разу,
Натужься по его приказу,
Заклей пакет,
А он понюхает и сразу
Пришлет ответ.
Есть у него, как в магазине,
Все то, что нужно медицине:
Набор ножей, spiritus vini[5],
Касторка, йод.
Он все лекарства по-латыни
Вам назовет.
Есть sal marimum- соль морская,
Все кальции, какие знаю..
А разных трав любого края
Не перечесть.
И aqua (иль вода простая)
Там тоже есть.
Есть и опилки, срезы, крошки
Клешни клеща, блошиной ножки
И усиков какой-то мошки,
Яд комара,
Настой желез сороконожки
_ Et setega...[6]
Тут я воскликнул: – Бедный Джон!
Какой доход теряет он!
Коль вправду будет побежден
Любой недуг,
Кладбищенский зеленый склон
Изрежет плуг.
Смерть засмеялась: – Нет, не плуг
Изрежет этот мирный луг,
Которым твой владеет друг,
А сто лопат
Все ваши кладбища вокруг
Избороздят.
Где одного так любо-мило
В постели жизни я лишила,
Пустила кровь иль придушила
Без долгих мук, –
Там двадцать душ загнал в могилу
Ваш Горнбук.
Наш местный ткач – хороший малый
Свою жену, что бредить стала,
Когда немножко захворала,
Отвез к врачу,
И больше слова не сказала
Она ткачу..
У парня заболел отец –
Богатый лэрд, и молодец
Послал отборных двух овец
Врачу за средство,
Что принесет отцу конец,
Ему – наследство.
Должно быть, от ночной простуды
Одной девчонке стало худо.
Врач сотворил над нею чудо:
Его совет
Туда послал ее, откуда
Возврата нет!
Таков у лекаря обычай.
За грош, не ведая приличий,
Морит людей он без различья
День изо дня
И норовит моей добычи
Лишить меня.
Пока терплю я поневоле.

Но разве он бессмертен, что ли?
Не избежит он общей доли.
Придет каюк –
И будет мертв, как сельдь в рассоле,
Ваш Горнбук!..
Еще бы Смерть сказала много,
Но вдруг, наполнив мир тревогой,
Часы пробили полночь строго
Из-за ветвей...
И я побрел своей дорогой,
А Смерть – своей.
* * *

Дружок мой пленен моим взором и станом.
Ему полюбились мой дом и родня.
Но, кажется, больше прельщен он приданым
И любит червонцы нежней, чем меня.
За яблочко яблоню любит мой милый,
Пчелу свою любит за будущий мед.
И так серебро его душу пленило,
Что в сердце местечка он мне не найдет.
Ему дорога не жена, а приплата.
Любовь для него – не любовь, а базар.
Хитер он, – и я уж не так простовата:
Пускай он попроще присмотрит товар!
Побегов не жди от прогнившего корня,
Зеленых ветвей – от сухого ствола.
Такая любовь ускользает проворней,
Чем тонкая, скользкая нить без узла!
НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

я пью за невесту с приданым,

я пью за невесту с приданым,

я пью за невесту с приданым,

С горой золотых для меня!

Долой красоты колдовское заклятье!
Не тоненький стан заключу я в объятья, –
Нужна необъятная мне красота:
Хорошая ферма и много скота.
Красивый цветок обольстит и обманет,
Чем раньше цветет, тем скорее увянет,
А белые волны пасущихся стад
И прибыль приносят, и радуют взгляд.
Любовь нам порою сулит наслажденье,
А вслед за победой идет охлажденье.
Но будят в душе неизменный восторг
Кружки, на которых оттиснут Георг.
ПАСТУХ

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.

Гнал он коз

Под откос.

Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, –
Стадо гнал мой милый.

– Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.

– Благодарю за твой привет,

Но у меня охоты нет

Платить слезами долгих лет

За этот вечер краткий!

– Нет, будешь ты ходить в шелках,

В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.
– Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.
Но он ответил мне: –
Пока Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!
Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, –
Стадо гнал мой милый.

К ТИББИ

О тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.
Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на черта нужен твой
Презрительный поклон!
Ты думала наверняка
Пленить мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!
Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.
Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, – какой в нем прок.
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!
Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.
Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.
С одной я девушкой знаком.
Ее и в платьице простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!

СВАДЬБА

В ГОРОДКЕ МОХЛИН
Когда был месяцев семи
Год восемьдесят пятый
И ливни спорили с людьми
За урожай несжатый, –
В то время мистер Так и Так
Отправился к невесте,
Чтобы отпраздновать свой брак
С ней и с деньгами тестя
В столь мокрый день.
Чуть солнце глянуло с небес
Сквозь полосу тумана,
Проснулась Нэлл, вскочила Бэсс,
Хоть было очень рано.
Утюг шипит, комод скрипит,
Мелькает ворох кружев...
Но Муза скромность оскорбит,
Их тайны обнаружив

В столь важный день.
Но вот – природе вопреки –
Стянули их корсеты,
И очень длинные чулки
На ножки их надеты.
Осталось – это не секрет –
Им застегнуть подвязки.
А впрочем, и такой предмет
Не подлежит огласке
В столь строгий день.
Шелка упругие, шурша,
Едва дают дышать им.
И все же могут, не греша,
Они гордиться платьем.
Легко их в талии сломать,
Шумят их шлейфы сзади.
Что Ева-мать могла б сказать,
На пышный зад их глядя
В воскресный день?
Вот в куртке праздничной, с хлыстом –
«Гей-го!» – подъехал Санди.
И Нэлл и Бэсс покинуть дом
Спешат, как по команде.
А вот Джон Трот – лихой старик.
Толст, как судья наш местный.
Он маслит, пудрит свой парик –
Да и сюртук воскресный
В столь славный день...[7]
* * *

Весной ко мне сватался парень один.
Твердил он: – Безмерно люблю, мол. –
А я говорю: – Ненавижу мужчин! –
И впрямь ненавижу, он думал...
Вот дурень, что так он подумал!
Сказал он, что ранен огнем моих глаз,
Что смерть его силы подточит.
А я говорю: пусть умрет хоть сейчас,
Умрет, за кого только хочет,
За Джинни умрет, если хочет.
Усадьбу, где полный хозяин он сам,
И свадьбу – хоть завтра – сулил он.
Но думаю: виду ему не подам,
Что дурочку сразу прельстил он,
Усадьбой и свадьбой прельстил он.
И что бы вы думали? Вдруг он исчез.
А вскоре нашел он дорожку
К моей же сестрице двоюродной – Бэсс.
Терпеть не могу эту кошку,
Глухую, поджарую кошку!
Хоть зла я была, но пошла погулять
В Дальгарнок – там день был базарный.
И вдруг предо мною явился опять,
Как призрак, дружок мой коварный,
Все тот же мой парень коварный.
Ответив негодному легким кивком,
Пройти поспешила я мимо.
Но он, ошавев, словно был под хмельком,
Назвал меня милой, любимой,
Своей дорогой и любимой.
А я, между прочим, вопрос задала,
Глуха ли, как прежде, сестрица
И где по ноге она обувь нашла...
О боже, как стал он браниться,
Как яростно стал он браниться!
Молил он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели парня спасти,
Сказала в ответ: – Я согласна.

Хоть завтра венчаться согласна!

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.
Крылатый конь – плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.
Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.
Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.
Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверостиший?

ОДА ШОТЛАНДСКОМУ

ПУДИНГУ «ХАГГИС»

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, –
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.
Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!
С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.
Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
От пищи пьян.
Кто обожает стол французский –
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.
Но – бедный шут! – от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов – мочалки,
Кулак – орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.
А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок, –
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.
Молю я Промысел небесный:
И в будний день, и в день воскресный

Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благодать
И ниспошли родной, чудесный,
Горячий Хаггис!

ОВСЯНКА

Раз – овсянка,
Два – овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?
Одиноким, неженатым
Не житье, а сущий рай.
А женился, так ребятам
Трижды в день овсянки дай.
Век живет со мной забота.
Не могу ее прогнать.
Чуть запрешь за ней ворота,
Тут как тут она опять.

Раз – овсянка,

Два – овсянка

И овсянка в третий раз.

А на лишнюю овсянку

Где мне взять крупы для вас?

ПОСЛАНИЕ ГАМИЛЬТОНУ

По поводу рождения у поэта близнецов

Рубцами хвалится боец –

Печатью молодечества.

Хвалу войне поет певец –

Проклятью человечества.

Велик не тот, кто сотню душ

Безвинных уничтожит.

Достоин чести скромный муж,

Что род людской умножит.

– Даны вам щедрые дары, –

Сказала нам природа, –

Но будьте столь же вы щедры

И множьтесь год от года.

Волью я в кровь струю огня,

Чтоб дружную четую

Вовеки жили у меня

Отвага с красотой!

Творец нехитрых этих строф

Был некий бард беспечный.

Он пел среди родных лугов,

От радости сердечной.

В него влила природа-мать

Огня большую долю,

И не дерзал он нарушать

Родительницы волю.

Начертанный природой путь

Безропотно прошел он.

Нашел он родственную грудь,

Любви безмерной полон.

Он цвет любви берег весной

От яда и от града,

И щедрый урожай двойной

Поэту стал наградой.

Был в сентябре вознагражден

Он за любовь и верность.

Ему подругой был рожден

Наследник – новый Бернс.

Чтоб нашу родину певец

Грядущих поколений

Воспел достойней, чем отец, –

Звучней и вдохновенней.

* * *

О гений мира и любви,

Тебя мы призываем:

Шотландский край благослови
Обильным урожаем.
Пусть крепнет древний наш народ
И славится по праву,
И Бернсов род из года в год
Поет народу славу!
ПЕСНЯ РАБА-НЕГРА
В милом знойном Сенегале
В плен враги меня забрали
И отправили сюда – за море синее.
И тоскую я вдали
От родной моей земли
На плантациях Виргинии – гинии.
На моем родимом юге
Не бывает зимней вьюги,
Ни морозов, ни снегов, ни инея.
Там шумят потоки вод
И цветы цветут весь год,
Неизвестные Виргинии – гинии.
Под ударами бича,
Иго рабское влача,
Провожу я дни в печали и унынии.
Горько вспомнить мне друзей
Вольной юности моей
На плантациях Виргинии – гинии!
* * *

Зачем терпеть в расцвете сил
Ярмо порабощенья?
К оружию, братья! Наступил
Великий час отмщенья.
Твердят: безгрешны короли,
А руки их кровавы.
Мы сами троны возвели.
Тряхнуть их – наше право!
Девизом каждый патриот
Смерть иль свободу изберет.
Пусть примет мученика чин
Епископ, саном гордый.
Для пэров хватит гильотин,
Для вас – подвязок, лорды.
Давно нас деспоты гнетут.
А судьи – их орудье.
Но и над вами будет суд,
Неправедные судьи.
Еще сегодня ваш денек.
Зато и наш не так далек!
Пусть золотой наступит век.
Былое в бездну канет,
И человеку человек
Навеки братом станет.
И нам покажет молодежь,
Достойная свободы,
Что человек везде хорош, –
Таков он от природы.
Мы всех зовем на братский пир,
И первый тост: – Свобода. Мир.
* * *

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?

Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножон?
Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой
Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?
Хватить происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей человек!

ОТРЫВОК

Прощай, синева, и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружбы, и узы родства.
Свой жизненный путь мы прошли.
Кто волею слаб, кто судьбы своей раб, –
Трепещет, почуяв конец.
Но гибели час, неизбежный для нас,
Не страшен для гордых сердец.
О ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ

ПОЭТА ТОМСОНА

Ты спишь в безвременной могиле,
Но, кажется, глядишь с усмешкой на устах
На тех, что голодом вчера тебя морили,
А нынче лаврами твой увенчали прах.
ГОРЕЦ

Мой горец – парень удалой,
Широкоплеч, высок, силен.
Но не вернется он домой –
Он на изгнание осужден.
Как мне его вернуть?
О, как его вернуть?
Я все бы горы отдала,
Чтоб горца вновь домой вернуть!
Соседи мирно спят в домах,
А я брожу в тиши ночной.
Сажусь и плачу я впотьмах
О том, что нет его со мной.
Ах, знаю, знаю я, кого
Повесить надо на сосне,
Чтоб горца – друга моего –
Вернуть горам, лесам и мне!

НАДПИСЬ

НА АЛТАРЕ НЕЗАВИСИМОСТИ
Кто независим, прям и горд,
В борьбе решителен и тверд,
Кому равно претит судьба
Рабовладельца и раба,
Кому строжайший приговор –
Своей же совести укор,
Тому, чья сила – правота,
Открой, алтарь, свои врата!

НАДПИСЬ АЛМАЗОМ

НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ В ТАВЕРНЕ
Не хвастайся, дряхлый рассудок людской.
Безумству – любовь и почет.
Сулишь ты, рассудок, уют и покой.
Безумство восторг нам дает!

О ПЕСНЕ ДРОЗДА, КОТОРУЮ ПОЭТ
УСЛЫШАЛ В ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ –
НА РАССВЕТЕ 25 ЯНВАРЯ

Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри, зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.
Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют,
Она легко встречает бег минут, –
Несут они надежду или страх.
Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.
Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной разделишь ты!

СОВА

О птица ночи! Жалобу свою
Ты изливаешь в полночь скорбным стоном
Не оттого ль, что в северном краю
Родится холод – смерть росткам зеленым?
Не оттого ль, что, облетев, листва
Тебя лишит укромного навеса?
Иль зимних бурь страшишься ты, сова,
Ночной тоски безжизненного леса?
Твой стон летит в неслышащую тьму.
Всегда одна, зловеща и угрюма,
Ты не вверяешь в мире никому
Своих тревог, своей бессонной думы.
Пой, плакальщица ночи! Для меня
Твой грустный голос – тайная утеха.
В полночной тьме без звука и огня
Твои стенанья продолжает эхо.
Неужто лик земли не так красив,
Когда природа плачет в час ненастья?
Бедней ли сердце, горе пережив,
И от участья меньше ль наше счастье?
Нет, одинокий стон из тишины
Мне по сердцу, хоть он рожден тоскою.
Он не похож: на голоса весны,
На летний щебет счастья и покоя.
Пусть днем не слышно песен из гнезда
И самый день заметно стал короче,
Умолкла трель вечерняя дрозда, –
Ты в сумраке не спишь, певица ночи.
С высокой башни где-нибудь в глуши,
Где ты ютишься в тайном закоулке,
Где лес и стены древние в тиши
На каждый звук рождают отклик гулкий,
Твой хриплый голос для меня звучит,
Как трели соловья чете влюбленной.
Так ловит тот, кто всеми позабыт,
Унылый отзвук песни отдаленной...

ЖАЛОБА РЕКИ БРУАР ВЛАДЕЛЬЦУ ЗЕМЕЛЬ, ПО КОТОРЫМ ОНА ПРОТЕКАЕТ

I

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.
Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

II

Живая быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,

Барахтаться в болоте.

Увы, ничем я не могу

Помочь своей форели.

Она лежит на берегу

И дышит еле-еле...

III

Я пролила немало слез

И пенилась от злости,

Когда какой-то бес принес

Поэта Бернса в гости.

Он написал мне пару строк,

А сочинил бы оду,

Когда увидел бы у ног

Бушующую воду!

IV

Давно ли я у грозных скал

Бурлила и ревела,

И водопад мой бушевал,

Вскипая пеной белой.

В те дни была я глубока,

Гордилась буйной силой,

И молодежь издалека

На берег приходила...

V

Прошу, припав к твоим ногам,

Во имя прежней славы

Ты насади по берегам

Кусты, деревья, травы.

Когда придешь под сень ветвей,

Плеснет, играя, рыба

И благодарный соловей

Тебе споет: спасибо!

VI

И жаворонок в вышине

Зальется чистой трелью,

И отзовется в тишине

Щегол своей свирелью.

И зазвенят у теплых гнезд,

Проснувшись спозаранку,

Малиновка и черный дрозд,

Скворец и коноплянка.

VII

Они от бурь покров найдут

В разросшихся дубравах.

И заяц-трус найдет приют

В моих кустах и травах.

Пускай прохожего ольха

Манит своей прохладой,

А дуб укроет пастуха

От ливня и от града.

VIII

Ко мне влюбленные весной

Придут на берег тайно

И встретятся в тиши лесной

Как будто бы случайно.

Оберегая их покой,

Росы роняя слезы,

Благоуханною рукой

Прикроют их березы.

IX

И вновь придет ко мне поэт

В часы, когда сквозь ветки

На побережье лунный свет

Свои начертит клетки.

По склонам тихо он сойдет,

По шахматным полянам

Послушать гулкий рокот вод,

Окутанных туманом.

X

Пусть елки тянутся ко мне
Своей зубчатой тенью
И видят в ясной глубине
Верхушек отраженье.
Пускай берез листва звенит
На каменных утесах
И мой боярышник хранит
Певцов звонкоголосых.

XI

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!
Греми до самых дальних дней,
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!
ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МОЕЙ ОВЦЫ,
КОТОРУЮ ЗВАЛИ МЭЙЛИ
Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
А Мэйли нет!
Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый, –
Иная, тяжкая, утрата
Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
Моя овца.
Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
За мной вослед
И так сердечно отвечала
На мой привет.
Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой
И не валила загородки
В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
Я не найду.
Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжело
И слезы лью.
Она была не нашей местной
Овцой, породы неизвестной:
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран –
С ее прабабушкой совместно –
Из дальних стран.
Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!
Пускай же все поэты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мэйли юной,
Моей овцы!

МЭГГИ С МЕЛЬНИЦЫ

Ты знаешь, что Мэгги наемни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги наемни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.
Был мельник хорош и в труде, и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.
Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.
Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое – важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

СВАДЬБА МЭГГИ

Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался.
В то время, как суженый с Мэгги венчался.
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье!

ЗАСТОЛЬНАЯ

У женщин нрав порой лукав
И прихотлив и прочее, –
Но тот, в ком есть отвага, честь, –
Их верный раб и прочее.
И прочее,
И прочее,
И все такое прочее.
Одну из тех, кто лучше всех,
Себе в подруги прочу я.
На свете чту я красоту,
Красавиц всех и прочее.
От них отпасть,
Презреть их власть –
Позор, и грех, и прочее.
Но есть одна. Она умна,
Мила, добра и прочее.
И чья вина, что мне она
Куда милей, чем прочие!

ПЕСНЯ О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.
Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху.
Одну надежду я таю, –
Что ждет меня награда,
И, верно, буду я в раю,
Отбыв все муки ада!

ПЕСЕНКА О СТАРОМ МУЖЕ

О, если б ты улегся вдруг

В могилу, дряхлый мой супруг,
Твою утешил бы вдову
Веселый горец – милый друг.
На сковородке шесть яиц.
На сковородке шесть яиц.
Тебе – одно, мне – два яйца,
А три – для горца-молодца!
В горшке баранья голова.
В горшке баранья голова.
Похлебка мне, мяско – ему,
А рожки – мужу моему!
ПЕСНЯ
Покупайте веники!

Вот хороший веник.

Веничек из вереска.

Не жалейте денег!

На мотив народной песни «Покупайте веники»

Мне нужна жена –
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа.
Толстая, худая –
Это все равно.
Пусть уродом будет –
По ночам темно.
Если молодая,
Буду счастлив с нею.
Если же старуха,
Раньше овдовею.
Пусть детей рожает, –
Было бы охоты.
А бездетной будет –
Меньше мне заботы.
Если любит рюмочку,
Пусть не будет пьяница.
А не любит рюмочки –
Больше мне останется!
О ЛИСИЦЕ,
КОТОРАЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕПИ И УБЕЖАЛА
ОТ МИСТЕРА ГЛЕНРИДДЕЛЯ [8]
Свободу я избрал сюжетом –
Не ту, любезную поэтам,
Язычницу с жезлом и в шлеме,
Воспетую в любой поэме
Былых времен. Совсем иной
Встает свобода предо мной.
Она мне чудится игривой
Кобылкой юной, легкогривой.
Как яблоко, она крепка,
Как полевая мышь, гладка,
Но неумелому жокею
На всем скаку ломает шею
И, закусивши удила,
Умчится дальше, как стрела.
Теперь, перевернув страницу,
Я расскажу вам про лисицу,
Как меж родных шотландских скал
Охотник рыжую поймал
И как дала дикарка ходу
Из душной клетки на свободу.
Гленриддель, убежденный виг!
Зачем ты, изменив на миг
Своим идеям, дочь природы
Лишил священных прав свободы?

Как мог ты, преданный добру,
Бедняжку ввергнуть в конуру
И цепью приковать, как суку,
К березе, дубу или буку?
Гленриддель, честный гражданин,
Своей отчизны верный сын,
Прогуливаясь у темницы
Сидящей на цепи лисицы,
Ты день за днем, за часом час
С друзьями обсуждал не раз
Великие идеи века –
Права на вольность человека
И право женщины любой
Свободной быть, а не рабой.
Лисица чутко вам внимала.
Она наслушалась немало
О хартиях народных прав,
О судьбах королей, держав,
О якобитах, вигах, тори
И о кровавом их раздоре.
Она услышала рассказ
О том, что делалось до нас, –
Как ангелы в былые годы,
Восстав, отпали от свободы,
За что, покинув райский сад,
Попали на галеры в ад;
Как в голову пришло
Немвроду Цепями оковать свободу,
Как был закован пол мужской
Семирамидиной рукой
(Бог покарай Семирамиду
За эту тяжкую обиду!)
И как с тех пор, покинув трон,
Мужья бояться стали жен.
Лиса наслушалась историй,
Как древний Ксеркс – персидский тори
Не знал важнее ремесла,
Чем резать глотки без числа,
Пока не объяснила Спарта
Ему, что значит «Маџпа Сьайа»;
Как диктовал указы Рим
Покорным данникам своим
И как полировал их нравы
Его огонь и меч кровавый.
Однако надо знать и честь, –
Примеров всех не перечесть, –
Но из плеяды знаменитой
Мы упомянем Билли Питта,
Что, как мясник, связав страну,
Распотрошил ее казну.
Все это слушала лисица
Как ревностная ученица.
Красноречивей сотни книг
Ей объяснил хозяин-виг,
Какой царит у нас порядок,
В чем наша слава, в чем упадок.
Она услышала, что зло
Добра немало принесло,
Поскольку жулики и плуты –
Творцы свободы пресловутой...
НИЧЕГО
С приветом я к вам посылаю
Пегаса – конька своего.
Спросите, чего я желаю,
И я вам скажу: ничего!
Простите беспечность поэта.
Дышу я – и только всего.
А шум деловитого света

Не стоит подчас ничего.
Процентщика мучат тревоги.
Червонец – его божество.
Но вот подведет он итоги –
И что же найдет? Ничего.
Отвешивать должен поклоны
Вельможа-старик для того,
Чтоб графской добиться короны.
А что ему в ней? Ничего.
Унылая ряса пресвитера –
Заветная цель одного.
Другой добивается митры.
А суть-то одна: ничего.
Влюбленному жизни дороже
На свете одно существо.
Но вот он женился – и что же
Нашел под тряпьем? Ничего.
Рифмует поэт беспокойный
И верит: его мастерство
Торжественных лавров достойно.
А что его ждет? Ничего.
Храбрится буян, угрожая,
Но тщетно его хвастовство,
И, кроме свирепого лая,
Не жди от него ничего.
Не верит поэту девица –
Ни просьбам, ни вздохам его,
Но скоро она убедится,
Что страшного нет ничего.
Ей по сердцу ласки поэта.
Упрямец достиг своего.
А что обещал ей за это?
По правде сказать, ничего...
Священник громит за неверие
С амвона ее и его.
Но попусту бьет артиллерия –
Поправить нельзя ничего.
Прощайте! У бурного моря
Я жду корабля своего.
И, если погибну я вскоре,
Что вам эта смерть? Ничего.
Останусь готовым к услугам
До смертного дня моего –
Коль есть у вас что-нибудь, – другом,
И другом, коль нет ничего!

ДВЕ СОБАКИ

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.
Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.
Ошейник именной, с замком,
Проходим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным.
И просвещенным джентльменом.
Он родовит был, словно лорд,
Но – к черту спесь! – он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой грязною собакой,

Каких немало у шатров
Цыган – бродячих мастеров.
У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.
А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.
Его хозяин – резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый –
Решил – кто знает, почему! –
Присвоить колли своему
Прозванье «Люат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.
Был этот Люат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.
Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.
Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором.
А разговор они вели
О людях – о царях земли.
Ц е з а р ь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углем, и шерстью, и пшеницей.
Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет –
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга Третьего портрет.
До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, –
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.
А что едят жильцы лачуг, –

При всем моем воображенье
Я не имею представленья!
Л ю а т

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине
На мостовой и на плотине,
Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.
Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, –
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...
А все ж, пока не грянет буря,
Они живут бровей не хмуря.
И поглядишь, – в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.
Ц е з а р ь

Однако, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов –
На землеробов, землекопов –
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!
Не раз, не два я видел дома,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...
Не знает счастья нищий люд.
Его удел – нужда и труд!
Л ю а т

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз –
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал выше сил,
Тем без подарка отдых мил.
Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут

О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.
А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.
Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной,
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, – так сказать, пою.
Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,
Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего – в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется – искренне вполне –
Служить народу и стране.
Ц е з а р ь

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.
Зато он будет вечерами
Блистать и в опере, и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстrokрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.
Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.
Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...
Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот каково его служенье!

Л ю а т

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы..
Порой и нас мутит лукавый.
– Эх, черт возьми! – внушает черт. –
Пожить бы так, как этот лорд!..
Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы, –
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.
Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.
Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?
Ц е з а р ь

Нет, братец, поживи в палатах –
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.
Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь – томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.
Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам..
Все напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!
Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте –
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.
А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор..
Принять их можно за сестер.

Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.
За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки – в чертовы картинки
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье.
Бывают, правда, исключения –
Без исключений правил нет.
Но так устроен высший свет...
Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой.
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными трягнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: – Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!
И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Я часто плачу по ночам
И каялась не раз,
Что верила твоим речам
И взорам лживых глаз.
Где нежный цвет девичьих щек?
А был он так румян!
Где прежний тесный поясок,
Что стягивал мой стан?
Я часто слышу злобный смех
Соседок за собой,
Хоть не один сокрытый грех
Найдется у любой.
Отец мой, вспомнив обо мне,
Ниц опускает взор.
И плачет матушка во сне,
Припомнив мой позор.
Услышав тяжкий шаг отца,
Я прятаться бегу,
И материнского лица
Я видеть не могу.
Был сладок цвет любви моей,
Но горький плод принес.
И каждый взгляд твоих очей
Мне стоил многих слез.
Пускай же радостного дня
Не будет у того,
Кто бросил в рубище меня
И сына своего!

ПРО КОГО-ТО

Моей душе покоя нет.
Весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет –
И все из-за кого-то.
Со мною нет кого-то.
Ах, где найти кого-то!
Могу весь мир я обойти.
Чтобы найти кого-то.
О вы, хранящие любовь
Неведомые силы,

Пусть невредим вернется вновь
Ко мне мой кто-то милый.
Но нет со мной кого-то.
Мне грустно отчего-то.
Клянусь, я все бы отдала
На свете для кого-то!

ПОДРУГА МОРЯКА

Чуть забудусь сном желанным,
Слышу гул морских валов.
Пусть мой друг за океаном
Будет счастлив и здоров.
Страх с надеждою счастливой
В сердце борются моем.
Над подушкой сиротливой
Тени шепчутся о нем.
Кто не знал тоски разлуки,
В чьей груди тревоги нет,
Счастья полный, чуждый муки
Любит солнечный рассвет.
Мне же ночь и сон милее.
Пусть не тает тьмы покров,
Чтобы слышала во сне я
Дальний плеск морских валов.

ДЭВИ

Когда в цветы румяный май
Оденет наш зеленый край,
Я выйду словно невзначай
К тебе, мой милый Дэви.
Жди за Ведьминым холмом,
Милый Дэви, стройный Дэви.
Вместе день мы проведем,
Мой милый, стройный Дэви.
Как серебро, звенит ручей,
Поет влюбленный соловей,
И веет свежестью полей,
Когда брожу я с Дэви.
Едва зардевший небосклон
Встревожит зайца чуткий сон
И по росе поскачет он, –
Иду навстречу Дэви.
Когда ж погаснет свет дневной
И сумрак ляжет пеленой,
Свои объятья мне раскрой,
Мой милый, стройный Дэви!

ПРЕДВЫБОРНАЯ БАЛЛАДА[9]

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия!
При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?
Вот мистер Гёрон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?
При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом,
И тем, что сердцем честен.
Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Селькерк любит светский круг.
Как Селькерку пристало.
При всем при том,

При всем при том
К чему нам род старинный?
Не лорда в Лондон мы пошлем,
Пошлем мы гражданина!
Не в званьях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.
При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!
К нам едет хлыщ из-за холмов
С мощной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.
При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаям, –
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!
За дело Стюартов [10], друзья,
За Герона и прочее.
Ему мы все – одна семья –
Доверим полномочия.
При всем при том,
При всем при том
Не кошельку, не знати –
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!
ПЛЕНИТЬСЯ МОГ БЫ Я ТОБОЙ
Плениться мог бы я тобой:
Так хороша ты и мила, –
Когда бы ты к мольбе любой
Столь благосклонна не была.
Конечно, щедрость не порок,
Но ты любовь и доброту
Даришь, как глупый ветерок,
Что всех целует на лету.
Цветок шиповника в росе
Теряет блеск и аромат,
Когда его ласкают все.
Когда руками он измят.
Еще дано тебе цвести,
Но наконец настанет срок, –
Ты будешь брошена в пути,
Как этот сорванный цветок.
ДВА ПАРНЯ
Сэнди и Джоки были соседи.
Сэнди был первым в застольной беседе.
Джоки – наследник отцовских поместий
Мог бы понравиться каждой невесте.
Джоки женился на Мэджи богатой.
Сэнди – на Мэри без всякой приплаты.
Джоки женился на денежках тестя.
Сэнди нашел свое счастье в невесте.
* * *

Пора отчалить кораблю.
На много дней, на много лет
Умчится та, кого люблю,
И за кормою ляжет след.
Бродить я буду меж камней,
На островок глядеть в тоске.
Здесь я в слезах простился с ней,
Там скрылся парус вдалеке.
Как часто с этой крутизны,
Где птицы жадные кричат,

Под гул крутящейся волны
Смотреть я буду на закат.
Благословен тот райский сад,
Где Нэнси бродит в тишине
И там, где все ласкает взгляд,
Немножко помнит обо мне.

* * *

Ты не там спала, где надо,
Ты спала не там.
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.
С лица румянец твой сошел
От той бессонной ночи.
И платья твоего подол
Как будто стал короче.
Попала девушка впросак.
Тебе придется тяжело.
От всякой снеди натошак
Мутит тебя, бедняжка.
Под небом ночь ты провела.
Ты пела и плясала.
Но, видно, жадная пчела
Девчонку искусала.
Ты не там спала, девчонка,
Ты спала не там,
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

* * *

Что сделала со мною мать,
Родная мать,
Родная мать.
Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:
Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»
Священник тоже подшутил –
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он подшутил,
Сыграл со мною шутку:
Чужого парня напустил,
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!
Мои подруги и родня,
Моя родня,
Моя родня –
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью.
Одну оставили меня,
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

* * *

Сердца быстрое биенье
Мерит каждое мгновенье.
Так на кузнице в селенье
Молоточками куют,
В наковальню гулко бьют.
Обманул меня мой милый –
Тот, кого я так любила,
А забыть его нет силы.
Полно, сердце, не стучи,
Полно, сердце, замолчи.

* * *

Властитель ног да и сердец!

Какой в Шотландии певец
Не принесет хвалы венец
Твоей чудесной скрипке?
Был бы скучен этот свет,
Очень скучен, однозвучен,
Был бы скучен этот свет,
Скучен без улыбки!
Всю землю обойди вокруг,
Пойди на север и на юг –
Повсюду скука, милый друг,
Где нет тебя и скрипки.
Пусть нас зовет церковный причт
Или профессор – старый хрыч,
Чудесней таинства постичь,
Чем те, что знает скрипка.
САДОВНИК С ЛОПАТОЙ
Когда оденет Май в цветы
Деревья, травы и кусты,
Найдешь в саду до темноты
Садовника с лопатой.
Поят ключи зеленый луг.
Щеглы, дрозды зовут подруг.
И дышит негой все вокруг
Садовника с лопатой.
Едва багряный небосклон
Встревожит зайца чуткий сон,
Из-за кустов мы слышим звон
Садовничьей лопаты.
А только солнца шар зайдет
И полог ночи упадет,
Подруга ласковая ждет
Садовника с лопатой.
ДОМИК У РУЧЬЯ
– Куда торопишься чуть свет –
Направо или прямо? –
Она надменно мне в ответ:
– Куда послала мама!
– Где ты живешь, душа моя? –
Я продолжал упрямо.
Она сказала: –
У ручья Живу с моею мамой.
Нашел я домик у ручья,
И ночь прошла мгновенно.
А утром девушка моя
Была не столь надменна.
Пусть петуха заест хорек!
Заря еще не встала, –
Старуха-мать с постели – скок!
И нас вдвоем застала.
Она меня прогнала прочь,
Послав мне град проклятий,
И ну стегать бедняжку-дочь,
Стащив ее с кровати.
В твой тихий домик у ручья
Пришел бы я, малютка,
Когда бы матушка твоя
Спала не слишком чутко!
* * *

Побывал я между скал,
Славный парень, статный парень,
Вилли с братией видал,
Славный горский парень.
Там земли родной враги,
Славный парень, статный парень,
Заплатили нам долги,
Славный горский парень.
Так конец себе нашли,
Славный парень, статный парень,

Те, что села наши жгли,
Славный горский парень.
Греет черт сковороду,
Славный парень, статный парень,
Жарить герцога в аду,
Славный горский парень.
Заскулил кровавый пес,
Славный парень, статный парень,
Насмешил чертей до слез,
Славный горский парень.

ПЕСЕНКА

Жила-была тетка под старою ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрогам.
У теткиной дочки была лихорадка.
Священник дрожал от того же припадка.
Раффам.
И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватьку.
Скрогам.
Больного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Раффам.
* * *

Что предо мной король Луи
И Джордж с морского силой!
Я предъявил права свои
На сердце Джинни милой.
Я избран ею в короли.
Пускай же вьются флаги.
Все государи всей земли
Передо мной – бродяги!
НА БЕРЕГУ РЕКИ ЭЙР
Спустился быстро мрак ночной,
Протяжен ветра дикий вой,
И тучи, полные дождя,
Несутся, цепью проходя.
Ушли охотники с болот,
И птицы над равниной вод
Слетелись вновь. А я с тоской
Брожу над Эйром, над рекой.
Оплакивает осень рожь,
Что полегла на нивах сплошь.
Полет зловещий ранних бурь
Смутил осеннюю лазурь.
Как страшно слышать грозный шквал
И ждать, что скоро пенный вал
Умчит, всем чувствам вопреки,
Меня от Эйр – родной реки.
Не разъяренная волна
В открытом море мне страшна,
Не смерть в бездонной глубине
Или в неведомой стране.
Но должен я, отчизна-мать,
Те узы кровные порвать,
Что в сердце раненом моем
Так прочно стянуты узлом.
И скоро будет далека
Моя родимая страна,
Места, где дорог каждый след
Любви и дружбы прежних лет.
Привет друзьям, врагам моим.
Любовь – одним и мир – другим.
Прощайте, травы, тростники
Родимой Эйр – моей реки!
* * *

У мамы тихо я росла
И так боюсь людей чужих.

О сэр, с ума бы я сошла
Наедине с одним из них!
Припев:

Я так мала, я так мала.
Еще так рано стать мне дамой,
И я бы, право, не могла
На долгий срок расстаться с мамой.
Мне накануне рождества
Ночной наряд купила мать,
Но я боюсь, что кружева
Мне после свадьбы могут смять.
Побыть на свадьбе я не прочь,
Чтобы потом уйти домой.
Но так долга зимою ночь,
Что не пойду за вас зимой.
Вам лучше лета подождать,
Когда все яблони в цвету.
Вы приходите к нам опять,
Когда чуть-чуть я подрасту!
Поедешь ли в Индию, Мэри?
Поедешь ли в Индию, Мэри,
Покинув родимый кров?
Поедешь ли в Индию, Мэри,
По гребням гремящих валов?
Там зреют лимоны, маслины,
Растет ананас золотой.
Но что в этой Индии дальней
Сравнится с твоей красотой?
Клянусь я, что буду я верен
Тебе до последнего дня.
И если забуду я Мэри,
Пусть небо забудет меня.
И ты поклянись, моя Мэри,
Лилейную руку мне дай
Пред тем, как от родины милой
Умчусь я в неведомый край.
Любви нерушимая клятва
Связала невидимо нас.
И если судьба нас разделит,
Будь проклят тот день и час!
[ШЕРАМУРСКИЙ БОЙ]
– Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
– Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев, брат.
Мундиров ярко-красных рать
Не стала наших ждать, брат.
Пустилась жать да напирать,
Стволы в лесу ломать, брат.
Аргайль великий вел солдат.
Оружья сталь слепила взгляд,
Круша людей за рядом ряд.
Враги неслись, как саранча,
Рубили, резали сплеча
И тех топтали сгоряча,
Кто медлил умирать, брат.
Но парни в юбочках, плащах
И клетчатых штанах, брат,
Сомкнули строй, посеяв страх
Во вражеских рядах, брат.

Хоть силы вражьи велики,
Но задрожали их полки,
Когда послышалось: «В штыки!»
Когда клинок был обнажен
И с гневом вырван из ножен,
И дерзкий враг был поражен,
Бежал он впопыхах, брат.
Он показал такую рысь,
Какой не знал сам черт, брат.
Мы по пятам за ним гнались –
Сперва загнали в форт, брат.
В Данблейне, поджимая хвост,
Он перебрался через мост
И полетел, стремглав, как дрозд.
Но запер Стерлинг-городок
Свои ворота на замок.
Любой солдат от страха взмок,
Хоть был недавно горд, брат...
* * *

Как мне не плакать день и ночь!
Мой друг-моряк умчался прочь,
Как мне унять тоску свою?
Он на морях с врагом в бою.
Лягу спать и встану вновь –
Он со мной – моя любовь.
Ночью сны, а мысли днем
Все о нем, всегда о нем.
На волнах и далеко,
В безбрежном море – далеко.
Ночью сны, а мысли днем –
О нем, кто в море далеко.
Когда томлюсь я в летний зной
И овцы сонные со мной, –
Подо мной дрожит земля.
То друг стреляет с корабля!
Пусть в бою его щадят
Лихая пуля и снаряд.
Судьба, ты мне конец пошли.
А не тому, кто там – вдали.
Не тому, кто далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем –
Лишь о нем, кто далеко.
А когда ложится тьма,
И за окном ревет зима,
И не глядит луна с небес,
И буря гнет угрюмый лес,
Я слышу волн морских прибой
И обращаюсь к ним с мольбой:
О, пощадите корабли
От милой родины вдали!
На морях и далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем –
О нем, кто в море далеко.
* * *

Оставьте романы!
В них только обманы.
Немало сердец уловил,
Поймав на крючок,
Что спрятан меж строк,
Безжалостный Роберт Моссгилл.
Сперва «Грандисон»
Развеял ваш сон,
А после «Том Джонс» возмутил
Покой ваш девичий,
Чтоб стать вам добычей
Таких молодцов, как Моссгилл.

* * *

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя.
Я знал любви слепую власть,
И многих мук мне стоит страсть,
Но я любовь готов проклясть,
Пока ты не моя.
Мгновенный взор девичьих глаз
Мне сердце покорял не раз,
Но полюбил я лишь сейчас,
Красавица моя.
Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя!

* * *

Наследница-дочь на охоте была,
Пеленок с собой она в лес не взяла,
А ночью ребенка в лесу родила
И в свой завернула передник.
Передник был соткан из чистого льна,
Из белого, тонкого сшит полотна.
Так вот малыша завернула она
В свой тонкий голландский передник.
В ту ночь пировал в своем замке старик.
Из бочки струилось вино, как родник.
И вдруг среди ночи послышался крик
Того, кто завернут в передник.
– Какой там ребенок кричит во всю мочь
На той половине, где спит моя дочь?
Его унесите немедленно прочь.
А ну, разверните передник.
– Да, это ребенок, а я его мать.
И, значит, он будет вас дедушкой звать.
Отец его будет ваш преданный зять,
А он – ваш достойный наследник.
– Да кто он такой – из дворян, из крестьян.
Тот дерзкий, что обнял твой девичий стан?
Кому только нужен крикун-мальчуган,
Завернутый в этот передник?
– Мой будущий муж в Эдинбурге живет.
Он первым из первых в столице слышет,
Он золотом шитый наряд мне пришлет,
Узнав, кто завернут в передник.
– Послушай-ка, дочка, твои терема
И все мои башни, дворы и дома,
Амбары с мукой и с зерном закрома
Получит мой внук и наследник,
Завернутый в этот передник!

* * *

Когда деревья обнажил
Своим дыханьем север,
Осенним вечером бродил
Я над рекою Эйр.
Мне где-то встретился старик,
В пути он изнемог
И головой седой поник
Под бременем тревог.
Меня спросил он: – Пешеход,
Куда ты держишь путь?
Богатства власть тебя ведет
Иль страсть волнует грудь?
А может, ты узнать успел
Невзгоды бытия

И горько на людской удел
Ты сетуешь, как я?
Под солнцем, где простерлась гладь
Лугов, степей, болот,
Везде на чопорную знать
Работает народ.
Светил мне дважды сорок лет
Усталый луч зимы,
Пока я понял, что на свет
Для мук родились мы.
Покамест молод человек,
Он не щадит часов,
За мигом миг короткий век
Растратить он готов.
Безумью предается он.
Страстям преграды нет,
Пока поймет он, что рожден
Для горестей на свет.
Умчится молодость, как дым,
И те года пройдут,
Когда полезен ты другим
И веришь сам в свой труд.
Нужда и старость – хуже нет
На всей земле четы.
Тогда увидишь, что на свет
Для мук родился ты.
* * *

Мой Джоки – славный молодец.
Никто в окрестности у нас
Так не зовет рожком овец,
Так не ведет девчонку в пляс.
Сказал он: нет синее глаз,
Нет стана тоньше моего.
О, как блажен короткий час,
Когда кругом нет никого.
Он целый день пасет овец
В грозу и ливень, в снег и зной.
Я жду: когда же наконец
Погонит стадо он домой!
И только вечером я с ним.
Меня в объятья заключив,
Клянется Джоки быть моим
И быть со мной, куда жив.
Когда молодежь на траве среди луга
Плясала под вечер Иванова дня,
Я вновь увидела неверного друга,
И рана открылась в душе у меня.
О скорби своей не скажу я ни слова.
Меня мой любимый успел разлюбить,
Но, может быть, в мире я встречу другого.
Не мог же он сердце навеки разбить.
До света мне слезы уснуть не давали,
Лились, будто ливень из туч грозowych.
Ах, горькие слезы, без вас бы едва ли,
Любовь пережив, я осталась в живых.
Пускай серебро его блеском пленило,
Неверного друга не стану винить.
Но, если мне сердце его изменило,
Мое не могло бы ему изменить.
КРАСАВИЦЫ ДЕРЕВНИ МОХЛИН
В деревне Мохлин есть на славу невесты,
Красавиц таких нелегко отыскать.
Их платья, походка, манеры и жесты
Парижа и Лондона носят печать.
Мисс Миллар стройнее и тоньше, чем фея.
Мисс Маркланд мила, но умнее мисс Смит.
Мисс Бетти – румяна, мисс Мортон – с приданым,
Но всех их, конечно, Джин Армор затмит.

* * *

Всеми забыта, нема,
Лишена тепла и движенья
Та, что была мотыльком
И летела на свет и тепло.
Только скудость ума
Отказать ей могла в уваженье,
Только отсутствие сердца
В любви отказать ей могло.
МИСС ФЕРРЬЕР
Порвал поэт и драматург
С язычницами узы.
Их в грош не ставит Эдинбург, –
Там есть живые музы.
Гомер прославил девять муз,
Но к черту суеверье!
Гораздо лучше девять мисс,
Прекрасных, как мисс Феррьер.
Вчера я был окутан мглой
И шел в тоске, в печали.
Закрыв туман густой, сырой
Передо мною дали.
Мой дух в унынии погряз,
Барахтался в бессилье.
Но на углу я встретил вас
И снова поднял крылья.
Я вам стихи на память шлю,
Навеянные вами.
И небеса за вас молю
И прозой и стихами!

* * *

Веселый май одел кусты
Раскрылись свежие цветы
В лучах зари проснулась ты,
Прелестнейшая Хлоя.
Набросив плащ, надев чулки,
Ты вышла к берегу реки,
О как шаги твои легки,
Прекраснейшая Хлоя.
Ты, как утро, хороша,
Чудо-Хлоя, прелесть-Хлоя.
Шла ты лугом, не спеша,
Чудеснейшая Хлоя.

* * *

Люблю один я городок,
А в нем люблю я дом один –
За то люблю я этот дом,
Что в нем живет малютка Джин.
Никто, никто узнать не мог,
Куда спешу я вновь и вновь.
Про это знает только бог
И только ты, моя любовь.
Ты ждешь во мраке под листвою
В полночный час, в урочный час.
Завидев нежный облик твой,
Люблю я больше во сто раз.

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА
Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут.

ЭПИТАФИЯ

БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ
Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
ПОКЛОННИКУ ЗНАТИ
У него – герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...
Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ШКОЛЬНОГО ПЕДАНТА
В крошечный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.
ПРИ ПОСЕЩЕНИИ БОГАТОЙ УСАДЬБЫ
Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья...
Так внучек знает свой гарем,
Не зная наслажденья.
НА ЛОРДА ГАЛЛОУЭЙ
В его роду известных много,
Но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...
II
Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору –
Душе твоей под стать!
КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ
Пусть книжный червь – жилец резного шкафа –
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!
НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ
Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе...
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!
О ЧЕРЕПЕ ТУПИЦЫ
Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ
Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.
Пусть школьников шумливый рой
Могила не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!
О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ОДНОЙ ОСОБЫ
В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)
Лепить свинью задумал черт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решенье,
И вас он вылепил, милорд!
ПОТОМКУ СТЮАРТОВ
Нет, вы – не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!
НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ
ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ
О лицемерье, служишь ты молебны
Над прахом всех загубленных тобой.
Но разве нужен небу гимн хвалебный

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
и благодарность за разбой?
ОТВЕТ «ВЕРНОПОДДАННЫМ
УРОЖЕНЦАМ ШОТЛАНДИИ»
Вы, верные трону, безропотный скот,
Пируйте, орите всю ночь напролет.
Позор ваш – надежный от зависти щит.
Но что от презрения вас защитит?
ПЕРЕВОДЧИКУ МАРЦИАЛА
О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, –
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел!..»
ОТВЕТ НА УГРОЗУ ЗЛОНАМЕРЕННОГО КРИТИКА
Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!
ПРИ ПОСЕЩЕНИИ РАЗРУШЕННОГО
ДВОРЦА ШОТЛАНДСКИХ КОРОЛЕЙ
Когда-то Стюарты владели этим тронном
И вся Шотландия жила по их законам.
Теперь без кровли дом, где прежде был престол,
А их венец с державой перешел
К чужой династии, к семье из-за границы,
Где друг за другом следуют тупицы.
Чем больше знаешь их, тиранов наших дней,
Тем презираешь их сильнее.
АКТРИСЕ МИСС ФОНТЕНЕЛЛЬ
Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала – природе.
Лишь себя играешь ты!
Позабудь живые чувства
И природу приневожь,
Лги, фальшивь, терзай искусство –
Вот тогда сыграешь роль!
К ПОРТРЕТУ
ИЗВЕСТНОЙ МИСС БЕРНС
Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею..
Меньше ль было у любой?
ЯРЛЫЧОК НА КАРЕТУ
ЗНАТНОЙ ДАМЫ
Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки,
Но слетишь под откос, если оси колес
Ненадежны, как сердце хозяйки!
О ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ
– Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое? –
Меня любопытная леди спросила.
Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
– Владеет любовь электрической силой,
А золото – проводник!
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ЭСКВАЙРА,
КОТОРЫЙ БЫЛ ПОД БАШМАКОМ У ЖЕНЫ
Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.
ЭПИТАФИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛАТЫНИ
Тебе мы кланяемся низко,
В последний раз сказав: «Аминь!»
Грешил ты редко по-английски.
Пусть бог простит твою латынь!
КРАСАВИЦЕ,
ПРОПОВЕДУЮЩЕЙ СВОБОДУ И РАВЕНСТВО

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

Ты восклицаешь: «Равенство! Свобода!»

Но, милая, слова твои – обман.

Ты ввергла в рабство множество народа

И властвуешь бездушно, как тиран.

МИСС ДЖИННИ СКОТТ

О, будь у скоттов каждый клан

Таким, как Джинни Скотт, –

Мы покорили б англичан,

А не наоборот.

ЛОРД-АДВОКАТ

Слова он сыпал, обуян

Ораторским экстазом,

И красноречия туман

Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,

Нуждаясь в смысле здоровом,

И где не мог его найти,

Заткнул прорехи правом...

ТРАКТИРЩИЦЕ ИЗ РОСЛИНА

Достойна всякого почета

Владений этих госпожа.

В ее таверне есть работа

Для кружки, ложки и ножа.

Пусть она, судьбой хранима,

Еще полвека проживет.

И – верьте! – не промчусь я мимо

Ее распахнутых ворот!

ПРОПОВЕДНИКУ

ЛЕМИНГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Нет злее ветра этих дней,

Нет церкви – этой холодней.

Не церковь, а какой-то ледник.

А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,

Пока я вновь сюда приду!

О ПЛОХИХ ДОРОГАХ

Я ехал к вам то вплавь, то вброд.

Меня хранили боги.

Не любит местный ваш народ

Чинить свои дороги.

Строку из Библии прочти,

О город многогрешный:

Коль ты не выпрямишь пути,

Пойдешь ты в ад кромешный!

НАДПИСЬ

НА МОГИЛЕ ЧЕСТОЛЮБЦА

Покойник был дурак и так любил чины,

Что требует в аду короны сатаны.

– Нет, – молвил сатана. – Ты зол, и даже слишком,

Но надо обладать каким-нибудь умишком!

ЭПИТАФИЯ

ТВЕРДОЛОБОМУ ТРУСУ

Клади земли тончайший слой

На это сердце робкое,

Но башню целую построй

Над черепной коробкою!

ДЕВУШКЕ

МАЛЕНЬКОГО РОСТА

На то и меньше мой алмаз

Гранитной темной глыбы,

Чтобы дороже во сто раз

Его ценить могли бы!

ХУДОЖНИКУ

Прими мой дружеский совет:

Писать тебе не надо

Небесных ангелов портрет.

Рисуй владыку ада!

Тебе известней адский лорд,

Чем ангел белокурый.

Куда живее выйдет черт,
Написанный с натуры!

ЭПИТАФИЯ

ВЛАДЕЛЬЦУ УСАДЬБЫ

Джемс Грив Богхед

Был мой сосед,

И, если в рай пошел он,

Хочу я в ад,

Коль райский сад

Таких соседей полон.

НЕТЛЕННЫЙ КАПИТАН

Пред тем, как предать капитана могиле,

Друзья бальзамировать сердце решили.

– Нет, – молвил прохожий, – он так ядовит,
что даже червяк от него убежит!

В ЗАЩИТУ АКЦИЗНОГО

Вам, остроумцам, праздным и капризным,

Довольно издеваться над акцизным.

Чем лучше ваш премьер или священник,

С живых и мертвых требующий денег

И на приход глядящий с укоризной?

Кто он такой? Духовный ваш акцизный!

КАПИТАНУ РИДДЕЛЮ

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ

Газетные строчки

Прочел я до точки,

Но в них, к сожалению, мало

Известий столичных,

Вестей заграничных.

И крупных разбоев не стало.

Газетная братья

Имеет понятье,

Что значат известка и глина,

Но в том, что сложнее, –

Ручаться я смею, –

Она, как младенец, невинна.

И это перо

Не слишком остро.

Боюсь, что оно не ответит

На все бесконечное ваше добро..

Ах, если б у солнца мне вырвать перо

Такое, что греет и светит!

ТРИ ВЫВЕСКИ

I

Напоминает он лицом

Ту вывеску, что над крыльцом

Гремит, блестит,

Лаская слух и взор,

И говорит:

«Здесь постоялый двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,

Припудрена, искусно завита!

Такую видишь в лавке брадобрея.

И каждый, кто проходит перед нею,

Одни и те же говорит слова:

– Вот голова!

III

А эта голова

Могучего напоминает льва,

Но только льва довольно мирного –

Трактирного.

СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ

НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ

Мы к вам пришли

Не тешить взгляд

Заводом вашим местным,
А для того,
Чтоб смрадный ад Был местом,
Нам известным.

Мы к вам стучались
Целый час.

Привратник не ответил.
И дай нам бог,
Чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

ЭПИТАФИЯ

СТАРУХЕ ГРИЗЗЕЛЬ ГРИМ
Лежит карга под камнем сим.
И не могу понять я,
Как этой ведьме Гриззель Грим
Раскрыла смерть объятья!

ЭПИТАФИЯ

ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ, ЭСКВАЙРУ
Склоняюсь у гробового входа,
– О смерть! – воскликнула природа. –
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

НАДПИСЬ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГЕ,
КОТОРАЯ ПРЕДПИСЫВАЛА ПОЭТУ
«СЛУЖИТЬ, А НЕ ДУМАТЬ»

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатах,
Запомни: зрение и слух –
Удел одних богатых!

ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ

КАПИТАНА ФРЕНСИСА ГРОУЗА

Проведав, что Френсис в объятиях смерти,
Топ-топ – прибежали к одру его черти.
Но, слыша, как стонут под грузом больного
Тяжелые ножки кровати дубовой,
Они отказались принять его душу:
Легко ли поднять эту грузную тушу!

ЗЕРКАЛО

Ты обозвал меня совой,
Но сам себя обидел:
Во мне ты только образ свой,
Как в зеркале, увидел.

ЗНАКОМОМУ,

КОТОРЫЙ ОТВЕРНУЛСЯ

ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ

Чего ты краснеешь, встречаясь со мной?

Я знаю: ты глуп и рогат.

Но в этих достоинствах кто-то иной,

А вовсе не ты виноват!

ДЖОНСОНУ

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон.
Но если гений стал врагом свободы, –
Самоубийца он.

ЭПИТАФИЯ САМОУБИЙЦЕ

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.

Самоубийством от хлопот

Он господу избавил.

ЛОРДУ, КОТОРЫЙ НЕ ПУСТИЛ

В СВОИ ПАЛАТЫ ПОЭТА И ЕГО ДРУЗЕЙ,

ИНТЕРЕСОВАВШИХСЯ АРХИТЕКТУРОЙ

Пред нами дверь в свои палаты

Закрыли вы, милорд.

Но мы – не малые ребята,

А ваш дворец – не торт!

ЭПИТАФИЯ

КРИКЛИВОМУ СПОРЩИКУ

Ушел ли ты в блаженный рай
Иль в ад, где воют черти, –
Впервые этот вздорный лай
Услышат в царстве смерти.

ЭПИТАФИЯ

ЦЕРКОВНОМУ СТАРОСТЕ,

САПОЖНИКУ ГУДУ

Пусть по приказу сатаны

Покойника назначат

В аду хранителем казны, –

Он ловко деньги прячет.

МИСТЕРУ ВИЛЬЯМУ МОЛЬ ОФ ПАНМУР,

КОТОРОГО ПОЭТ УВИДЕЛ В НОВОМ

ЭЛЕГАНТНОМ ФАЭТОНЕ НА СКАЧКАХ

(БЕГАХ)

Я согласиться должен, что бесспорно

Твой новый фаэтон имел успех.

Так некий вор мечтал, чтоб выше всех

Ему соорудили столб позорный.

* * *

Недаром, видимо,

Господь когда-то посулил:

Не только души, но и плоть

Восстанет из могил.

А то б вовеки не воскрес

Души лишенный Кардонесс!

ИЗ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

ПЕСНЯ

В полях порхая и кружась,

Как был я счастлив в блеске дня,

Пока любви прекрасный князь

Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он вплел,

Украшил розами чело,

В свои сады меня повел,

Где столько тайных нет цвело.

Восторг мой Феб воспламенил

И, упоенный, стал я петь...

А он меж тем меня пленил,

Раскинув шелковую сеть.

Мой князь со мной играет зло.

Когда пою я перед ним,

Он расправляет мне крыло

И рабством тешится моим.

КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!

Когда норвежец Гвин

Народов северной земли

Был грозный властелин,

В его владеньях нищету

Обкрадывала знать.

Овцу последнюю – и ту

Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля

Больных детей и жен.

Долой тирана-короля.

Пускай покинет трон!»

Проснулся Гордред между скал,

Тирана лютый враг,

И над землей затрепетал

Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны

Лавиною сплошной,

Как львы, сильны и голодны,

На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,

Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.
Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.
Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля,
Народ идет за головой
Тирана-короля.
От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»
Норвежец щит поднимет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.
Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.
Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.
Оставил земледелец плуг,
Рабочий – молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.
Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.
И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозные облака,
Скрывающие гром.
– Остановитесь! – молвил Гвин
И указал вперед. –
Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!
Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.
Настало время – и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.
Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля –
И нет ей берегов.
Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!
Король полки бросает в бой,
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.
Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.
Вот конь под всадником убит.

И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.
Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.
О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!
Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.
То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага – и рухнул Гвин.
Разрублен пополам.
Исчезло воинство его,
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.
А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.
ИГРА В ЖМУРКИ
Только снег разоденет Сусанну в меха
И повиснет алмаз на носу пастуха,
Дорога мне скамья пред большим очагом
Да огнем озаренные стены кругом.
Горою уголь громоздите,
А поперек бревно кладите.
И табуретки ставьте в круг
Для наших парней и подруг.
В бочонке эль темней ореха.
Любовный шепот. Взрывы смеха,
Когда ж наскучит болтовня,
Затеем игры у огня.
Девчонки шустрые ребят
Кольнуть булавкой норовят.
Но не в долгу у них ребята –
Грозит проказницам расплата.
Вот Роджер бровью подмигнул
И утащил у Долли стул.
И вот, не ждавшая подвоха,
Поцеловала пол дуреха!
Потом оправила наряд,
На Джона бросив томный взгляд.
Джон посочувствовал девчурке.
Меж тем играть решили в жмурки
И стали быстро убирать
Все, что мешало им играть.
Платок сложила Мэг два раза
И завязала оба глаза
Косому Виллу для того,
Чтоб он не видел ничего.
Чуть не схватил он Мэг за платье,
А Мэг, смеясь, к нему в объятья
Толкнула Роджера, но Вилл
Из рук добычу упустил.
Девчонки дразнят ротозея:
«Лови меня! Лови скорее!»
И вот, измаявшись вконец,
Бедняжку Кэт настиг слепец.
Он по пятам бежал вдогонку
И в уголок загнал девчонку.

– Попалась, Кэтти? Твой черед
Ловить того, кто попадет!
Смотри, вот Роджер, Роджер близко!..
И Кэтти быстро, словно киска,
В погоню кинулась за ним.
(Ему подставил ножку Джим.)
Надев платок, он против правил
Глаза свободными оставил.
И, глядя сквозь прозрачный шелк,
Напал на Джима он, как волк,
Но Джим ему не дался в руки
И с ног свалил малютку Сьюки.
Так не доводит до добра
Людей бесчестная игра!..
Но тут раздался дружный крик:
«Он видит, видит!» – крикнул Дик.
«Ай да слепец!» – кричат ребята.
Не спорит Роджер виноватый.
И вот, как требует устав,
На Роджера наложен штраф:
Суровый суд заставил плута
Перевернуться трижды круто.
И, отпустив ему грехи,
Вертушка Кэт прочла стихи,
Чтобы игру начать сначала.
«Лови!» – вертушка закричала.
Слепец помчался напрямик,
Но он не знал, что хитрый Дик
Коварно ждет его в засаде –
На четвереньках – шутки ради.
Он так и грохнулся... Увы!
Все наши планы таковы.
Не знает тот, кто счастье ловит,
Какой сюрприз судьба готовит..
Едва в себя слепец пришел
И видит: кровью залит пол.
Лицо ощупал он рукою –
Кровь из ноздрей бежит рекою.
Ему раскаявшийся Дик
Расстегивает воротник,
А Сэм несет воды холодной.
Но все старанья их бесплодны.
Кровь так и льет, как дождь из туч,
Пока не приложили ключ
К затылку раненого. (С детства
Нам всем знакомо это средство!)
Вот что случается порой,
Когда плутуют за игрой.
Создать для плутовства препоны
Должны разумные законы.
Ну, например, такой закон
Быть должен строго соблюден:
Пусть люди, что других обманут,
На место потерпевших станут.
Давным-давно – в те времена,
Когда людские племена
На воле жили, – нашим дедам
Был ни один закон неведом.
Так продолжалось до тех пор,
Покуда не возник раздор,
И ложь, и прочие пороки, –
Стал людям тесен мир широкий.
Тогда сказать пришла пора:
– Пусть будет честная игра!
ИЗ КНИГ «ПЕСНИ НЕВИННОСТИ» И «ПЕСНИ ОПЫТА»
ИЗ «ПЕСЕН НЕВИННОСТИ»
ВСТУПЛЕНИЕ
Дул я в звонкую свирель.

Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:
– Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? –
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.
– Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! –
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.
– Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! –
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.
Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.
И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!
ПАСТУХ
Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.
Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.
СМЕЮЩЕЕСЯ ЭХО
Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.
А мы, детвора,
Чуть свет на ногах,
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.
Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.
Натешившись нашей
Веселой игрой,
Седые папаши
Бормочут порой:
– Кажись, не вчера ли
На этом лугу
Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!
А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята

Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворешнях,
Готовясь ко сну,
Хранят тишину.
Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гу-гу.
АГНЕЦ
Агнец, агнец белый!
Как ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?
Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты – ягненок, я – дитя.
Он такой, как ты и я.
Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!
ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК
Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я – одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.
Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток.
– Взгляни на Солнце, – там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.
Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик –
Ведь только тучка иль тенистый лес.
Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»
Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай: если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты, –
Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.
МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ
Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.
Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: – Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!
Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты – Дик, Чарли и Джим, –
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, – рассказывал Том, –
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.
Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды облаков.
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим – и бог тебе будет отцом!»
В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрее мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»
Долго он звал, но отец был далеко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.
Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогой
Мать ожидала дитя.

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,
И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха» – звонкий смех девиц,
А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, –
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»
ИЗ «КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ»

Сон, сон,

Полог свой

Свей над детской головой.

Пусть нам снится звонкий ключ,

Тихий, тонкий лунный луч.

Легким трепетом бровей

Из пушинок венчик свей.

Обступи, счастливый сон,

Колыбель со всех сторон.

Сон, сон,

В эту ночь

Улетать не думай прочь.

Материнский нежный смех.

Будь нам лучшей из утех.

Тихий вздох и томный стон,

Не тревожьте детский сон.

Пусть улыбок легкий рой

Сторожит ночной покой.

Спи, дитя, спокойным сном.

Целый мир уснул кругом,

Тихо дышит в тишине,

Улыбается во сне...

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

По городу проходят ребята по два в ряд,

В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.
Какое множество детей – твоих цветов, столица.
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.
Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Внизу их пастыри сидят, заступники сирот.
Лелейте жалость – и от вас ваш ангел не уйдет.

НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине,
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.
Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растение,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.
Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.
А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.
И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев – любовью,
А немощи – здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.
Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей –
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело

Встречаем мы весну!
Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух – на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!
Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильни,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!
ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ
Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня.
В сердце тихо, и тихо вокруг.
– Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли – и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.
– Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем – птицы реют кругом,
И блуждают стада по холмам.
– Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы. –
Снова топот и гам по лесам, по лугам,
А вдали отвечают холмы.
ДИТЯ-РАДОСТЬ
– Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
– Как же тебя назову?
– Радуюсь я, что живу.
Радостью – так и зови меня!
Радость моя –
Двух только дней, –
Радость дана мне судьбою.
Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!
СОН
Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу, в травах меж сетей
Заблудился муравей.
Грустен, робок, одинок,
Обхватил он стебелек.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:
– Мураши мои одни.
Дома ждут меня они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой!
Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
– Чей, – спросил он, – тяжкий стон
Нарушает летний сон?
Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй до дому за ним –
Будешь цел и невредим!

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?
Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?
И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?

Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!
Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки
И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?
Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Из «Песен опыта»
СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?
Что это – песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.

О, как страна моя нища!
Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, –
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ ДЕВОЧКА

В будущем далеком
Вижу зорким оком,
Как от сна воспрянет
Вся земля – и станет
Кротко звать творца,
Как дитя – отца...
И бесплодный край
Расцветет, как рай!
В дебрях южной стороны,
В царстве ласковой весны
Крошка-девочка брела.

Утомилась и легла.
Ей седьмая шла весна.
Птичек слушая, она
Увлеклась и невзначай
Забрела в пустынный край.
«Сладкий сон, слети ко мне
В этой дикой стороне.
Ждет отец мой, плачет мать...
Как могу я мирно спать?
Баю-баюшки, баю...
Я одна в чужом краю.
Разве может дочка спать,
Если дома плачет мать?»

Коль у мамы ноет грудь,
Мне здесь тоже не уснуть.
Если ж дома спит она,
Дочка плакать не должна...
Ты не хмурься, мрак ночной!
Полночь, сжался надо мной:
Подыми свою луну,
Лишь ресницы я сомкну!»
Сон тревогу превозмог.
Звери вышли из берлог
И увидели во мгле –
Спит младенец на земле.
Подошел к ней властный лев
И, малютку оглядев,
Тяжко прыгать стал кругом
По земле, объятой сном.
К детке тигры подошли,
Барсы игры завели...
И на землю, присмирив,
Опустился старый лев.
Он из пламенных очей
Светлых слез струил ручей,
И, склонив златую прядь,
Стал он спящую лизать.
Львица, матери нежней,
Расстегнула платье ей,
И в пещеру – в тихий дом –
Львы снесли ее вдвоем.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Черный маленький мальчик на белом снегу.
«Чистить трубы кому?» – он кричит на бегу.
– Где отец твой и мать? – я спросил малыша.
– Оба в церкви, – сказал он, на пальцы дыша. –
Оттого, что любил я играть на лугу,
А зимою валяться в пушистом снегу,
Был я в черное платье, как в саван, одет
И пошел в трубочисты с младенческих лет.
Слышат мать и отец, что я песни пою,
И не знают, что жизнь загубили мою.
Славят бога они и попа с королем –
Тех, что рай создают на страданье моем.

МУХА

Бедняжка-муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.
Я – тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?
Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.
Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, –
Так пусть умру я
Или живу, –
Счастливой мухой
Себя зову.

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?
В небесах или глубинах

Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?
Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?
Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?
А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, –
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?
Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?
Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?
* * *

Есть шип у розы для врага,
А у барашка есть рога.
Но чистая лилия так безоружна,
И, кроме любви, ничего ей не нужно.
МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА
Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою –
Такому бродяжке не место в раю.
Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.
И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.
И Бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.
ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.
Мужская брань и женский стон
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.
Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.
А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ
Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.
Покой и мир хранит взаимный страх.

И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.
Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смирение.
Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.
Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.
Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел –
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес –
Я молчал, но гнев мой рос.
Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.
Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.
Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.
Я не могу любить сильнее
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.
Потом, взобравшись на амвон.
Сказал священник: – Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!
И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.
Был на костре – другим на страх –
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубят в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.
Но днем сидеть за книжкой в школе

Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги-школьники сидят.
С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.
Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.
Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распустившейся весны
Дыханьем бури лишены, –
Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользят,
Тихий и незримый.
Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.
А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.
ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ
Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.
Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.
Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.
Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

ПЕСНЯ

ДИКОГО ЦВЕТКА
Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:
– Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.
Раскрылся я, светел,
Пред самую зорькой,
Но свет меня встретил

Обидою горькой.

СНЕГ

Зимю увидел я снежную гладь,
И снег попросил я со мной поиграть.
Играя, растаял в руках моих снег...
И вот мне Зима говорит: – Это грех!

* * *

Разружьте своды церкви мрачной
И катафалк постели брачной
И смойте кровь убитых братьев –
И будет снято с вас проклятье.

МЕЧ И СЕРП

Меч – о смерти в ратном поле,
Сerp о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

* * *

Коль ты незрелым мигом овладел,
Раскаянье да будет твой удел.
А если ты упустишь миг крылатый,
Ты не уймешь вовеки слез утраты.

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее –
Утро вечности твое!

ВОПРОС И ОТВЕТ

Расскажите–ка мне, что вы видите, дети? –
Дурака, что попался религии в сети.

БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА С ПРИХОЖАНИНОМ

– Мой сын, смирению учитеcь у овец!..
– Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

* * *

К восставшей Франции мошенники Европы,
Как звери, отнеслись, а после – как холопы.

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

* * *

Я слышу зов, неслышный вам,
Гласящий: – В путь иди! –
Я вижу перст, невидный вам,
Горящий впереди.

[УТРО]

Ища тропинки на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат
Я бодро прохожу.

И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стена.
Я проблеск дня слежу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой,
Залит слезами, как росой.

И солнце, в радостных слезах,
Преодолев свой тяжкий страх,
Сияет ярко в небесах.

* * *

Есть улыбка любви
И улыбка обмана и лести.
А есть улыбка улыбок,
Где обе встречаются вместе.

Есть взгляд, проникнутый злобой,
И взгляд, таящий презренье.
А если встречаются оба,
От этого нет исцеленья.

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:
«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста – наступает весна».
Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стоит любви и забот.
Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.
Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
Будто ветер сырой налетел и унес
Лепестки распустившихся лилий и роз.
«О зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?
– Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста,
Таково, мне твердили, ученье Христа.
Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою своей, на тебе этот грех!
Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».
Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» – крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.
Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.
Лица, полные ярости, злобы слепой,
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.
Ты же – образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.
Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.
Иная Англия была,
Еще неведомая мне, –
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.
Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.

Их было три – одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!
Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.
Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья – к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.
Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.
ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН
И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ
Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.
Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь – великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.
Попал к нему в печенки и начал портить кровь.
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.
– Должно быть, – люди говорят, – в него забрался волк! –
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет – так дьявол ей смешон.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.
Тогда плясунья-фея покинула орех.
С тех пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

* * *

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,
Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».
О БЛАГОДАРНОСТИ
От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, – святотатство.
ВЗГЛЯД АМУРА
На перси Хлои бросил взор крылатый мальчуган,
Но, встретив Зою, он глядит украдкой на карман.

* * *

Я встал, когда редела ночь.
– Поди ты прочь! Поди ты прочь!
О чем ты молишься, поклоны
Кладя пред капищем Мамоны?
Я был немало удивлен.
Я думал, – это божий трон.
Всего хватает мне, но мало
В кармане звонкого металла.
Есть у меня богатство дум.
Восторги духа, здравый ум,
Жена любимая со мною.
Но беден я казной земною.
Я перед богом день и ночь.
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен:
Мой кошелек ему поручен.
Он мой невольный казначей.
Я ел бы пищу богачей,

Когда бы стал ему молиться.
Я не хочу, а дьявол злится.
Итак, не быть мне богачом.
К чему ж молиться и о чем?
Желаний у меня немного,
И за других молю я бога.
Пускай дает мне злобный черт
Одежды, пищи худший сорт, –
Мне и в нужде живется славно..
А все же, черт, служи исправно!
* * *

– Что оратору нужно? Хороший язык?
– Нет, – ответил оратор. – Хороший парик!
– А еще? – Не смутился почтенный старик
И ответил: – Опять же хороший парик.
– А еще? – Он задумался только на миг
И воскликнул: – Конечно, хороший парик!
– Что, маэстро, важнее всего в портретисте?
Он ответил: – Особые качества кисти.
– А еще? – Он, палитру старательно чистя,
Повторил: – Разумеется, качество кисти.
– А еще? – Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: – Высокое качество кисти!
ВИЛЬЯМУ ХЕЙЛИ

О ДРУЖБЕ

Врагов прощает он, но в том беда,
Что не прощал он друга никогда.
ЕМУ ЖЕ
Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади,
Ах, будь моим врагом, хоть дружбы ради!
МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.
ЭПИТАФИЯ

я погребен у городской канавы водосточной,

чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженочно.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ

И ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ

ПОЭЗИИ

БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

БАЛЛАДА О ДВУХ СЕСТРАХ

К двум сестрам в терем над водой,

Биннори, о Биннори,

Приехал рыцарь молодой,

У славных мельниц Биннори.

Колечко старшей подарил,

Биннори, о Биннори,

Но больше младшую любил,

У славных мельниц Биннори.

И зависть старшую взяла,

Биннори, о Биннори,

Что другу младшая мила,

У славных мельниц Биннори.

Вот рано-рано поутру,

Биннори, о Биннори,

Сестра гулять зовет сестру,

У славных мельниц Биннори.

– Вставай, сестрица, мой дружок,

Биннори, о Биннори,

Пойдем со мной на бережок,

У славных мельниц Биннори.

Над речкой младшая сидит,

Биннори, о Биннори,

На волны быстрые глядит,

У славных мельниц Биннори.
А старшая подкралась к ней,
Биннори, о Биннори,
И в омут сбросила с камней
У славных мельниц Биннори.
– Сестрица, сжался надо мной,
Биннори, о Биннори,
Ты станешь рыцаря женой,
У славных мельниц Биннори.
Подай перчатку мне свою,
Биннори, о Биннори,
Тебе я друга отдаю,
У славных мельниц Биннори.
– Ступай, сестра моя, на дно,
Биннори, о Биннори,
Тебе спастись не суждено,
У славных мельниц Биннори.
Недолго младшая плыла,
Биннори, о Биннори,
Недолго старшую звала,
У славных мельниц Биннори.
370В плотине воду отвели,
Биннори, о Биннори,
И тело девушки нашли
У славных мельниц Биннори.
Девичий стан ее кругом,
Биннори, о Биннори,
Узорным стянут пояском,
У славных мельниц Биннори.
Не видно кос ее густых,
Биннори, о Биннори,
Из-за гребенок золотых,
У славных мельниц Биннори.
В тот день бродил у берегов,
Биннори, о Биннори,
Певец, желанный гость пиров,
У славных мельниц Биннори.
Он срезал прядь ее одну,
Биннори, о Биннори,
И свил упругую струну,
У славных мельниц Биннори.
Он взял две пряди золотых,
Биннори, о Биннори,
И две струны плетет из них,
У славных мельниц Биннори.
К ее отцу идет певец,
Биннори, о Биннори,
Он входит с арфой во дворец,
У славных мельниц Биннори.
Струна запела под рукой,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, отец мой дорогой!»
У славных мельниц Биннори.
Другая вторит ей струна,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, мой друг!» – поет она
У славных мельниц Биннори.
Все струны грянули, звеня,
Биннори, о Биннори,
«Сестра, сгубила ты меня
У славных мельниц Биннори!»
КЛЯТВА ВЕРНОСТИ
Мертвец явился к Марджери.
Взошел он на крыльцо,
У двери тихо застонал
И дернул за кольцо.
– О, кто там, кто там в поздний час
Ждет у дверей моих:

Отец родной, иль брат мой Джон,
Иль милый мой жених?
– Нет, не отец, не брат твой Джон
Ждут у дверей твоих.
То из Шотландии домой
Вернулся твой жених.
О, сжался, сжался надо мной,
О, сжался, пощади.
От клятвы верности меня
Навек освободи!
Ты клятву верности мне дал,
Мой Вилли, не одну.
Но поцелуй в последний раз,
И клятву я верну.
– Мое дыханье тяжело
И горек бледный рот.
Кого губами я коснусь,
Тот дня не проживет.
Петух поет, заря встает,
Петух поет опять.
Не место мертвым средь живых,
Нельзя мне больше ждать!
Он вышел в сад, она за ним.
Идут по склонам гор.
Вот видят церковь в стороне,
Кругом – зеленый двор.
Земля разверзлась перед ним
У самых, самых ног,
И снова Вилли молодой
В свою могилу лег.
– Что там за тени, милый друг,
Склонились с трех сторон?
– Три юных девы, Марджери,
Я с каждой обручен.
– Что там за тени, милый друг,
Над головой твоей?
– Мои малютки, Марджери,
От разных матерей.
Что там за тени, милый друг,
У ног твоих лежат?
– Собаки ада, Марджери,
Могилу сторожат!
Она ударила его
Дрожащею рукой.
– Я возвращаю твой обет,
Пусть бог вернет покой!
ПРЕКРАСНАЯ АННИ ИЗ ЛОХ-РОЯН
– О, кто мне станет надевать
Мой легкий башмачок,
Перчатку тесную мою,
Мой новый поясок?
Кто желты косы гребешком
Серебряным расчешет?
Кто, милый друг мой, без тебя
Мое дитя утешит?
– Тебе наденет твой отец
Нарядный башмачок,
Перчатку – матушка твоя,
Сестрица – поясок.
Твой братец косы гребешком
Серебряным расчешет.
Пока твой милый далеко,
Господь дитя утешит!
– Где взять мне лодку и гребцов,
Готовых в путь опасный?
Пора мне друга навестить...
Я жду его напрасно!
Родной отец ей дал ладью.

С семьей она простилась.
Младенца на руки взяла
И в дальний путь пустилась.
Златые мачты далеко
Сверкали в синем море.
Шелка зеленых парусов
Шумели на просторе.
Она плыла по гребням волн
Не более недели,
И лодка к замку подошла –
К ее желанной цели.
Глухая ночь была темна,
И ветер дул сердитый,
И плакал мальчик на груди,
Плащом ее прикрытый.
– Открой, лорд Грегори, открой!
Мне страшен мрак глубокий,
Гуляет ветер в волосах,
И дождь мне мочит щеки.
Она стучалась без конца,
Но спал – не слышал милый.
Вот вышла мать его к дверям.
– Кто там? – она спросила.
– Открой, открой мне, милый друг.
Я – Анни из Лох-Роян.
В моих объятьях твой сынок
Озяб и не спокоен.
– Поди ты прочь, поди ты прочь!
Русалка ты из моря,
Ты фея злобная – и нам
Сулишь печаль и горе!
– Я не русалка, милый друг,
Клянусь, не злая фея.
Я – Анни верная твоя.
Впусти меня скорее!
– Коль Анни вправду бы ждала
Там, за моим порогом, –
Она явилась бы ко мне
С любви моей залогом!
– А ты забыл, как пировал
У нас в отцовском зале,
Как наши кольца мы с тобой
Друг другу передали.
Прекрасный перстень ты мне дал
И взял мой перстень чудный.
Твой был червонно-золотой,
А мой был изумрудный.
Открой, открой мне, милый друг.
Впусти меня скорее.
Твой сын к груди моей прильнул,
Дрожа и коченея!
– Поди ты прочь, поди ты прочь!
Я двери не открою.
Тебя давно я позабыл
И обручен с другою.
– Коль ты другую полюбил,
Коль ты нарушил слово,
Прощай, прощай, неверный друг.
Не встретиться нам снова!
Она пошла от замка прочь,
Лишь выглянула зорька.
В свою ладью она вошла
И стала плакать горько.
– Эй, уберите, моряки,
Вы мачту золотую.
На место мачты золотой
Поставьте вы простую.
Достаньте парус, моряки,

Из грубой, серой ткани.
В шелках и золоте не плыть
Забытой, бедной Анни!
Проснулся милый той порой,
И грустно молвил он:
– Мне снился сон, о мать моя,
Мне снился тяжкий сон.
Я видел Анни, мать моя,
Мне страшно и теперь.
Она под ветром и дождем
Стучалась в нашу дверь.
Мне снилась Анни, мать моя,
Я вспомнить не могу.
Лежала мертвая она
У нас на берегу.
– Мой сын! Тут женщина была
с ребенком в эту ночь.
Я не решилась их впустить
И прогнала их прочь...
О, быстро, быстро он встает,
Бежит на берег моря
И видит: парус вдалеке
Уходит, с ветром споря.
– Вернись, о милая, вернись!
Эй, Анни, слушай, слушай! –
Но каждый крик под грохот волн
Звучал слабей и глуше.
– Эй, Анни, Анни, отзовись.
Вернись, пока не поздно! –
Чем громче звал он, тем сильнее
Был грохот моря грозный.
Там ветер гнал за валом вал.
Ладья неслась, качалась.
И скоро Анни в пене волн
К его ногам примчалась.
Она неслась к его ногам
В бушующем прибое,
Но не вернулось вместе с ней
Дитя ее родное.
К груди подруги он припал.
В ней не было дыханья.
Он целовал ее в уста,
Хранившие молчанье.
– О злая мать! Пусть ждет тебя
жестокая кончина
За смерть возлюбленной моей
И маленького сына!
О, помни, помни, злая мать,
Страданья бедной Анни,
Что за любовь свою ко мне
Погибла смертью ранней!
ТРАГЕДИЯ ДУГЛАСОВ
– Проснись поскорее, мой лорд, мой супруг,
Надень свой тяжелый доспех.
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Обвенчана тайно от всех.
Проснитесь, проснитесь, мои сыновья,
Седлайте коней вороных.
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Венчалась тайком от родных!
Беглянка несется на белом коне,
А рыцарь – на сером за ней.
В руке его – меч, на поясе – рог,
И оба торопят коней.
Назад оглянулся и слушает он,
Что слышится в поле глухом.
Там слышится топот и ржанье коней –
Семь рыцарей скачут верхом.

Мой шелковый повод, подруга, возьми.
Держи моего жеребца.
Средь чистого поля я встречу один
И братьев твоих, и отца!
Стояла она, смотрела она,
И горько ей было смотреть,
Как шестеро братьев один за другим
Должны за нее умереть.
Стояла она, смотрела она
И слез удержать не могла,
Когда наконец ее старый отец
Свалился с крутого седла.
– Опомнись, опомнись, безжалостный лорд.
Постой, не рази до конца.
Я нового друга могла бы найти, –
Найду ли другого отца?
Сняла она с шеи узорный платок
Голландского полотна.
Но алая кровь из отцовской груди
Бежала, как струйка вина.
– Ты хочешь ли дальше поехать со мной
Иль, может, вернешься к родне?
– Поеду с тобой, мой единственный друг, –
Других не оставил ты мне!
Опять они скачут вперед и вперед.
Луна над полями взошла,
С коня он спустился у бледной воды
И снял свою даму с седла.
Вот оба склонились уста освежить
Студеной водою ручья.
Но кровью горячего сердца его
Под ним обагрилась струя.
– Ты ранен, ты ранен, – сказала она, –
И кровь твоя в воду бежит!
– О нет, дорогая, пурпурный мой плащ,
В воде отражаясь, дрожит.
Опять они скачут при свете луны,
Несутся всю ночь напролет.
У темного замка сошел он с коня
И крикнул, стучась у ворот:
– Открой поскорее, сударыня-мать,
Усталого сынапусти.
Желанную гостью на краткую ночь
Ему довелось привезти.
Спешит приготовить для сына постель,
Вели ее мягче постлать.
Жену молодую со мной положи –
И долго мы будем спать!
Он тихо скончался ночью порой,
Подруга – в предутренней мгле.
Пусть горестный жребий влюбленной четы
Не ждет никого на земле!
У церкви Марии беглянка лежит,
А рядом – погибший любовник.
Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним – темно-красный шиповник.
Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба,
И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба.
ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС ВЕЛЛ
Жила старуха в Ашере Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.
Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых

Погибли в бурном море.
– Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбачьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!
Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.
Такой березы не найти
В лесах родного края –
Береза белая росла
У врат святого рая.
Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водою!
Все сыновья мои со мной,
Я нынче пир устрою!
Постель широкою для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.
Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
– Пора нам в путь-дорогу!
Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать – за наш уход
Терпеть мы будем муки.
– Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!
Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.
Они повесили на гвоздь
Платок, давно знакомый.
– Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.
Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.
Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!
КОРОЛЬ И ПАСТУХ

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.
Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.
Но вот за богатство

И громкую славу
384звуют его в Лондон
На суд и расправу.
Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его к башне
Над Темзой-рекой.

2

– Здорово, здорово,
Смиранный аббат,
Получше меня
Ты живешь, говорят.
Ты нашей короне
Лукавый изменник.
Тебя мы лишаем
Поместий и денег!
Взмолился епископ:
– Великий король,
Одно только слово
Сказать мне позволь.
Всевышнему богу
И людям известно,
Что трачу я деньги,
Добытые честно!
– Не ври понапрасну,
Плешивый аббат,
Для всякого ясно,
Что ты виноват,
И знай: навсегда
Твоя песенка спета,
Коль на три вопроса
Не дашь мне ответа.
Вопросы такие:
Когда я на троне
Сажу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, –
Какая цена мне,
Ты должен сказать.
Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я.
А в-третьих, сказать
Без запинки изволь:
Что думает
Твой милосердный король.
Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоём теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней, –
Авось на пятнадцатый
Станешь умней!

3

Вот едет епископ,
Рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксенфорд.
Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов.
Проездил епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей

Стадо свиней.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил: – Что слышно,
Хозяин епископ?
– Печальные вести,
Пастух-, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовеки не видеть
Мне белого света!
– Милорд, не печалься.
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,
И я за тебя
Перед троном предстану.
Ты – знатный епископ,
А я – свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.
Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!
– Мой верный пастух,
я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость Господня.
Но только смотри
Отправляйся сегодня!
4
Вот прибыл пастух
В королевский дворец.
– Здорово, здорово,
Смиранный отец,
Тебя во дворце
Я давно поджидаю.
Садись – я загадки
Тебе загадаю.
А ну-ка послушай:
Когда я на троне
Сажу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, –
Какая цена мне,
Ты должен сказать!
Пастух королю
Отвечает с поклоном:
– Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты стоишь,
Спроси свою знать,
Которой случалось
Тебя продавать!
Король усмехнулся:
– Вот ловкий пройдоха!
На первый вопрос
Ты ответил неплохо.
Теперь догадайся:
Как скоро верхом

Могу я всю землю
Объехать кругом.
– Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса, –
Объедешь ты в двадцать
четыре часа!
Король засмеялся:
– Неужто так скоро?
С тобой согласиться
я должен без спора.
Теперь напоследок
Ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король.
Что ж, – молвил пастух,
Поглядев простовато, –
Ты думаешь, сударь,
что видишь аббата...
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!
БАЛЛАДА О МЕЛЬНИКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.
– Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.
– Гуляет конь,
Ты говоришь?
– Гуляет,
Говорю!
– Звенит уздечкой,
Говоришь?
– Уздечкой,
Говорю!
С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!
Гуляет по-двору свинья,
Что мне прислала мать.
– Прислала мать,
Ты говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Свинью прислала,
Говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Свиней немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свиньи под чепраком!

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.
– Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир

И шляпа с галуном?

– Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!

Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

Чепец прислала,
Говоришь?

– Прислала,
Говорю!

– И одеяло,
Говоришь?

– Прислала,
Говорю!

– Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна,
На них я не видал!

3

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских
Начищенных сапог.

– Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?

Свои я знаю сапоги,
А это не мои!

– Ты пьян как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!

Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.

– Прислала мать,
Ты говоришь?

– Прислала,
Говорю!

– Прислала ведра,
Говоришь?

– Прислала,
Говорю!

– Немало ведер я видал
На свете до сих пор,

Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!

КОРОЛЕВА ЭЛИНОР

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.

И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец...

И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.

– О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

– Я клянусь тебе жизнью и троном своим:
Если ты виноват предо мной,

Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцирь надень.
Я оденусь и сам, как монах.

Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,

И кадили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,

Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.
– Вы из Франции оба, святые отцы? –
Прошептала жена короля.
– Королева, – сказали в ответ чернецы, –
Мы сегодня сошли с корабля!
– Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
– Кайся, кайся! – печально ответил монах.
– Кайся, кайся! – ответил другой.
– Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
– Кайся, кайся! – сурово ответил монах.
А другой отозвался: – Аминь!
Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрусталя
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
– Кайся, кайся! – угрюмо ответил монах.
А другой отозвался: – Аминь!
– Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода отца не похож.
А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног!..
– Замолчи! – закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.
Отшвырнул он распятые, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.
И другому аббату он тихо сказал:
– Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!

ГРАФИНЯ-ЦЫГАНКА
Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так звонко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.
Танцуя, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее сглазить успели.
– Шелка дорогие снимите с меня,
Подайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня, –
С цыганами в степь ухожу я.
Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!
– Пойдешь ли со мною, – спросил ее Джек,
Скитаться в ненастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный – к мужу!
– С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.
С тобою готова погибнуть в пути,
С моим кареглазым цыганом!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

– Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.

Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиной!
Покинутый граф воротился домой.

Скликает он няnek и мамок.
Ему говорят: – На шатер кочевой
Она променяла твой замок.

– Седлайте живей вороного коня.
За ним не угнаться гнедому.

Пока ее нет на седле у меня,
Дорогу забуду я к дому!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко.

Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

– Вернись, молодая графиня, домой.
Ты будешь в атласе и в шелке

До смерти сидеть за высокой стеной
В своей одинокой светелке!

– О нет, дорогой! Не воротишь домой
Меня ни мольбою, ни силой.

Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!

ТРИ БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ

1

РОЖДЕНИЕ РОБИН ГУДА

Он был пригожим молодцом,
Когда служить пошел

Пажом усердным в графский дом
За деньги и за стол.

Ему приглянулась хозяйская дочь,
Надежда и гордость отца,

И тайною клятвой они поклялись
Друг друга любить до конца.

Однажды летнею порой,
Когда раскрылся лист,

Шел у влюбленных разговор
Под соловьиный свист.

– О Вилли, тесен мой наряд,
Что прежде был широк,

И вянет-вянет нежный цвет
Моих румяных щек.

Когда узнает мой отец,
Что пояс тесен мне,

Меня запрет он, а тебя
Повесит на стене.

Ты завтра к окну моему приходи
Украдкой на склоне дня.

К тебе с карниза я спущусь,
А ты поймай меня!

Вот солнце встало и зашло,
И ждет он под окном

С той стороны, где свет луны
Не озаряет дом.

Открыла девушка окно,
Ступила на карниз

И с высоты на красный плащ
К нему слетела вниз.

Зеленая чаща уют им дала,
И прежде чем кончилась ночь,

Прекрасного сына в лесу родила
Под звездами графская дочь.

Под звездами графская дочь.
В тумане утро занялось

Над зеленью дубрав,
Когда от тягостного сна
Очнулся старый граф.
Идет будить он верных слуг
В рассветной тишине.
– Где дочь моя и почему
Не поднялась ко мне?
Тревожно спал я в эту ночь
И видел сон такой:
Бедняжку-дочь уносит прочь
Соленый вал морской.
В лесу густом, на дне морском
Или в степном краю
Должны вы мертвой иль живой
Найти мне дочь мою!
Искали они и ночи и дни,
Не зная покоя и сна,
И вот очутились в дремучем лесу,
Где сына качала она.
«Баюшки-баю, мой милый сынок,
В чаще зеленой усни.
Если бездомным ты будешь, сынок,
Мать и отца не вини!»
Спящего мальчика поднял старик
И ласково стал целовать.
– Я рад бы повесить отца твоего,
Но жаль твою бедную мать.
Из чащи домой я тебя принесу,
И пусть тебя люди зовут
По имени птицы, живущей в лесу,
Пусть так и зовут: Робин Гуд!
Иные поют о зеленой траве,
Другие – про белый лен.
А третьи поют про тебя, Робин Гуд,
Не ведая, где ты рожден.
Не в отчем дому, не в родном терему,
Не в горницах цветных, –
В лесу родился Робин Гуд
Под щебет птиц лесных.

2

РОБИН ГУД И МЯСНИКИ
Спешите на улицу, добрые люди,
Послушайте песню мою.
О славном стрелке, удалом Робин Гуде,
Для вас я сегодня спою.
В лесу на рассвете гулял Робин Гуд.
Вдруг слышит он топот копыт.
Мясник молодой на лошадке гнедой
На рынок рысцою трусит.
– Скажи, молодец, – говорит Робин Гуд, –
В какой ты живешь стороне
И что за товар ты везешь на базар?
Ты больно понравился мне.
– Мне некогда, сударь, рассказывать вам,
В какой я живу стороне,
А мясо на рынок везу в Ноттингам
Продать там по сходной цене.
– Послушай-ка, парень, – сказал Робин Гуд,
А сколько возьмешь ты с меня
За все целиком: за мясо с мешком,
Уздечку, седло и коня?
– Немного возьму, – отвечает мясник, –
Чтоб в город товар не везти.
За мясо с мешком и коня с ремешком
Пять марок ты мне заплати.
– Бери свои деньги, – сказал Робин Гуд, –
Бери заодно с кошельком
И пей за меня, чтобы с этого дня

Счастливым я стал мясником!
Верхом прискакал Робин Гуд в Ноттингам,
Проехал у всех на виду,
К шерифу пошел – и деньги на стол
За место в торговом ряду.
С другими купцами он сел торговать,
Хоть с делом он не был знаком,
Не знал, как продать, обмануть, недодать.
Он был мясником-новичком.
Но шибко торговля пошла у него.
Что хочешь плати – и бери!
За пенни свинины он больше давал,
Чем все остальные за три.
Он только и знал – зазывал, продавал,
Едва успевал отпускать.
Он больше говядины продал за час,
Чем все остальные за пять.
– Дворянский сынок, – мясники говорят, –
В убыток себе продает.
Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот!
Подходят знакомиться с ним мясники.
– Послушай, собрат и сосед,
На рынке одном мы товар продаем.
Должны разделить и обед.
– Мы все мясники, – отвечал Робин Гуд, –
Одна небольшая семья.
Сочту я за честь попить и поесть
И чокнуться с вами, друзья!
Толпою к шерифу пришли они в дом,
Садятся обедать за стол.
– А младший наш брат, – мясники говорят, –
Молитву за нас бы прочел.
– Помилуй нас, Боже, – сказал Робин Гуд, –
Дай хлеб нам насущный вкусить
И выпить винца, чтоб согрелись сердца!
Мне не о чем больше просить.
– А ну-ка, хозяйка, – сказал Робин Гуд, –
Друзей угостить я хочу.
Давай нам вина, и по счету сполна
За всех я один заплачу.
– Вы пейте и ешьте, – сказал Робин Гуд, –
Пируйте весь день напролет.
Не все ли равно, что стоит вино!
Беру на себя я расчет.
– Дворянский сынок! – говорят мясники, –
Он продал именье отца
И весь свой доход за будущий год
Решил промотать до конца.
– Давно ль, – говорит Робин Гуду шериф, –
Ты в наши приехал места?
Как жив и здоров и много ль голов
Рогатого держишь скота?
– Рогатого много держу я скота –
Две сотни голов или три, –
А впрочем, наведайся в наши места
И сам на него посмотри.
Пасется мой скот по лесам, по лугам,
Телята сейчас у коров.
И, если захочешь, тебе я продам
Задешево сотню голов!
Садится шериф на гнедого коня,
Три сотни червонцев берет
И едет верхом за лихим мясником
В леса покупать его скот.
В Шервудскую чашу въезжают они –
Охотников славных приют.
– Спаси меня, Боже, – воскликнул шериф, –

Коль встретится нам Робин Гуд!
По узкой тропе они едут вдвоем.
И вдруг увидал Робин Гуд:
Лесные олени меж темных ветвей
От них врассыпную бегут.
– Вот здесь и живет рогатый мой скот!
Тут несколько сотен голов.
Коль можешь купить, – тебе уступить
Я сотню-другую готов!
Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И разом явились на зов
С двух разных сторон и Маленький Джон,
И семеро лучших стрелков.
– Что скажешь? – спросил его Маленький Джон. –
Каков твой приказ, Робин Гуд?
– Пожаловал к нам Ноттингамский шериф.
Пускай ему ужин дадут!
– Что ж, милости просим, почтенный шериф,
Тебя поджидаем давно.
Отличным жарким мы тебя угостим.
А ты нам плати за вино!
Дрожащий шериф протянул кошелек,
Не молвив ни слова в ответ.
И так же без слов отсчитал Робин Гуд
Три сотенки звонких монет.
Потом он шерифа повел за собой,
Опять посадил на коня
И крикнул вослед: – Поклон и привет
Жене передай от меня!

3

РОБИН ГУД И ШЕРИФ
Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году
Веселый месяц май.
Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.
– Что слышно, хозяйка, у вас в городке? –
Старуху спросил Робин Гуд.
– Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут.
– Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину:
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?
– Нет, сударь, они не виновны ни в чем,
– За что же карает их суд?
– За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.
– Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, – сказал Робин Гуд, –
Тебе я в беде помогу!
Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетется по холмам.
– Что слышно на свете, седой пилигрим? –
Спросил старика Робин Гуд.
– Трех братьев у нас в Ноттингамской тюрьме
На смерть в эту ночь поведут.
– Надень-ка одежду мою, пилигрим.
Отдай-ка свое мне тряпье,
А вот тебе сорок монет серебром –
И пей за здоровье мое!
– Богат твой наряд, – отвечал пилигрим, –

Моя одежонка худа.
Над старым в беде и над нищим в нужде
Не смейся, сынок, никогда.
– Бери, старичок, мой богатый наряд.
Давай мне одежду свою,
И двадцать тяжелых монет золотых
Тебе я в придачу даю!
Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
Не зная, где зад, где перед.
– Клянусь головой, он слетит с головы,
Чуть дело до дела дойдет!
Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:
Прорехи в коленях, прорехи с боков,
Заплата пониже спины.
Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: – Иных узнают
По платью, а этого можно узнать,
Увидев, во что он обут!
Надел он дырявый, заплатаанный плащ,
И только осталось ему
Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.
Идет, хромя, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.
– Спаси и помилуй, – сказал Робин Гуд. –
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!
– Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдешь в палачи!
Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень – скок.
– Клянусь головою, – воскликнул шериф,
Ты бодрый еще старичок!
– я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!
Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.
Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.
– Труби, – засмеялся надменный шериф,
Пугай воробьев и синиц.
Труби сколько хочешь, куда глаза
Не вылезут вон из глазниц!
Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтора ста коней
С окрестных спускаются гор.
И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.
– Что это за люди? – воскликнул шериф.
– Мои! – отвечал Робин Гуд. –
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.
В ту ночь отворились ворота тюрьмы,

На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф
БАЛЛАДА О ЗАГАДКАХ
Три девушки шили в саду над водой,
Дженнифер, Джентль и Розмари.
К ним рыцарь приехал гостить молодой,
А в роще поют соловьи до зари.
Одна усадила его у огня, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
Другая овсом накормила коня.
А в роще поют соловьи до зари.
Постель приготовила третья сестра, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
И сна пожелала ему до утра.
А в роще поют соловьи до зари.
Но девушкам рыцарь сказал перед сном:
– Дженнифер, Джентль и Розмари,
Загадки мои разгадайте втроем! –
А в роще поют соловьи до зари.
– Что в мире звучнее, чем рог егерей?
Что в мире колючек терновых острей?
Что слаще, чем хлеб, утоляет сердца?
И что на земле тяжелее свинца?
Что в мире длиннее дороги мирской?
Что глубже на свете пучины морской?
Продумали сестры всю ночь до утра,
Дженнифер, Джентль и Розмари.
И вот что придумала третья сестра.
А в роще поют соловьи до зари.
– Звучнее молва, чем рога егерей,
А голод колючек терновых острей.
Для совести грех тяжелее свинца,
И хлеба дороже нам слово отца.
Длиннее дороги лишь ветер один,
И глубже любовь всех подводных глубин!
Загадки разгаданы все до одной, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
Отгадчица рыцарю станет женой.
А в роще поют соловьи до зари.
ЛЕДИ И КУЗНЕЦ
Леди у окошка
Сидит, как снег, бела.
Кузнец глядит в окошко,
Черный, как смола.
– Зачем в окно глядишь, кузнец?
О чем, кузнец, поешь?
Ты пой – не пой, а под венец
Меня не поведешь!
Сидеть мне лучше в девушках
У матери-отца,
Чем быть женою грязного,
Такого неученого,
Такого безобразного,
Такого закопченного
Невежи-кузнеца!
Девушка стала уточкой,
Плывет она под мост.
А он веселым селезнем
Поймал ее за хвост.
Она лисой прикинулась,
Бежит, не чуя ног.
А он собакой гончею
Лисицу подстерег.
Девушка стала мухою,
Стал пауком кузнец
И муху паутиною
Опутал наконец.

Он муху паутиною
Опутал наконец.
Ведет кузнец красавицу
Невесту под венец.
ДЖОРДЖ КЕМПБЕЛЛ
Долиной реки
И по горной стране
Доблестный Кемпбелл
Скакал на коне.
Оседлан и взнуздан
Был конь вороной.
Без всадника в полночь
Пришел он домой.
Встала с постели
Старая мать.
Жена молодая
Вышла встречать.
«Зелен мой луг,
Но никем он не кошен.
Бедный ребеночек мой
Не доношен!»
Оседланный, взнузданный,
Конь вороной,
Обрызганный кровью,
Вернулся домой.
Тяжко вздымались
Бока у коня.
Стремя о пряжку
Билось, звеня.
ВЕРНЫЙ СОКОЛ
– Недаром речью одарен
Ты, сокол быстроскрылый:
Снеси письмо, а с ним поклон
Моей подруге милой!
– Я рад снести ей письмецо
По твоему приказу.
Но как мне быть? Ее в лицо
Не видел я ни разу.
– Легко ты милую мою
Отыщешь, сокол ясный.
Среди невест в ее краю
Нет более прекрасной.
Пред старым замком, сокол мой,
Садись на дуб соседний.
Сиди и пой, когда домой
Придет она с обедни.
Придет с подругами она –
Их двадцать и четыре.
Нет счету звездам, а Луна
Одна в полночном мире.
Мою подругу ты найдешь
Меж дев звонкоголосых
По гребням, что сверкают сплошь
В ее тяжелых косах.
–
Вот сокол к замку прилетел
И сел на дуб соседний
И песню девушкам запел,
Вернувшись с обедни.
– За стол садитесь пить и есть,
Красавицы девицы,
А я хочу услышать весть
От этой вольной птицы.
– Свою мне песню вновь пропой,
Мой сокол сизокрылый.
Какую весточку с тобой
Прислал сегодня милый?
– Тебе я должен передать

Короткое посланье.

Твой друг не в силах больше ждать
И молит о свиданье.

– Скажу: пускай хлеба печет,
Готовит больше солода
И пусть меня на свадьбу ждет,
Покуда пиво молодо.

– Залога просит твой жених,
Он чахнет в ожиданье.
Кольцо и прядь кудрей твоих
Пошли в залог свиданья!

– Для друга прядь моих кудрей
Возьми, о сокол ясный.

Я шлю кольцо с руки моей
И встретиться согласна.
Пусть ждет в четвертой из церквей
Шотландии прекрасной!

К отцу с мольбой пошла она,
Склонилась у порога.

– Отец, мольба моя – одна.
Исполни, ради бога!

– Проси, проси, родная дочь, –
Сказал отец сурово, –

Но выкинь ты из сердца прочь
Шотландца молодого!

– О нет, я чую свой конец.
Возьми мой прах безгласный

И схорони его, отец,
В Шотландии прекрасной.

Там в первой церкви прикажи
Бить в колокол печальный.

В соседней церкви отслужи
Молебен погребальный.

У третьей дочку помяни
Раздачей подаянья.

А у четвертой схорони...
Вот все мои желанья!

В светлицу тихую пошла
Красавица с поклоном,

На ложе девичье легла
С протяжным, тихим стоном.

Весь день, печальна и бледна,
Покоилась в постели,

А ночью выпила она
Питье из сонных зелий.

Исчезла краска нежных губ,
Пропал румянец алый.

Три дня недвижная, как труп,
Красавица лежала...

Сидела в замке у огня
Столетняя колдунья.

– Ох, есть лекарство у меня! –
Промолвила ворчунья. –

Огонь велите-ка раздуть,
А я свинец расплавлю,

Струей свинца ожгу ей грудь
И встать ее заставлю!

Ожгла свинцом колдунья грудь,
Ожгла девице щеки,

Но не встревожила ничуть
Покой ее глубокий.

Вот братья дуб в лесу густом
Сестре на гроб срубили

И гроб дубовый серебром
Тяжелым обложили.

А сестры старшие скорей
Берутся за иголку

И саван шьют сестре своей,

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Рубашку шьют из шелку...

– Спасибо, верный сокол мой,
Мой вестник быстрокрылый.
Вернулся рано ты домой.

Ну, что принес от милой?

– Принес я прядь ее кудрей,
Кольцо и обещанье

Прибыть к четвертой из церквей
Шотландских на свиданье.

– Скорее, паж, коня седлай,
Дай меч мой и кольчугу.

С тобой мы едем в дальний край
Встречать мою подругу!

– Родные тело в храм внесли
И гулко отзвонили,

К другому храму подошли
И мессу отслужили.

Вот в третьем храме беднякам
Раздали подаянье.

Потом пошли в четвертый храм,
Где милый ждал свиданья.

– Эй, расступитесь, дайте путь
Вы, родичи и слуги.

В последний раз хочу взглянуть
В лицо моей подруги!

Но лишь упала пелена
С лица невесты милой,

Она воспрянула от сна
И с ним заговорила:

– О дай мне хлеба поскорей,
О дай вина немного.

Ведь для тебя я столько дней
В гробу постилась строго.

Эй, братья! Вам домой пора.
Погромче в рог трубите.

Как обманула вас сестра,
Вы дома расскажите.

Скажите всем, что не лежу
Я здесь на ложе вечном,

А в церковь светлую вхожу
В наряде подвенечном,

Что ждал в Шотландии меня
Не черный мрак могилы,

А ждал на паперти меня
Избранник сердца милый!

ТОМАС РИФМАЧ[11]

Над быстрой речкой верный Том
Прилег с дороги отдохнуть.

Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Зеленый шелк – ее наряд,
А сверху плащ красней огня,

И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Ее чудесной красотой,
Как солнцем, Том был ослеплен.

– Хвала Марии Пресвятой! –
Склоняясь ниц, воскликнул он.

– Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.

Я – королева той страны,
Где эльфы вольные живут.

Побудь часок со мной вдвоем,
Да не робей, вставай с колен,

Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадешь надолго в плен.

– Ну, будь что будет! – он сказал. –
Я не боюсь твоих угроз! –
И верный Том поцеловал
Ее в уста краснее роз.
– Ты позабыл про мой запрет.
За это – к худу иль к добру –
Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!
На снежно-белого коня
Она взошла. За нею – Том.
И вот, уздечкою звеня,
Пустились в путь они вдвоем.
Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Пред ними был пустой простор,
А за плечами – край жилой.
– На миг, мой Том, с коня сойди
И головой ко мне склонись.
Есть три дороги впереди.
Ты их запомнить поклянись.
Вот этот путь, что вверх идет,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведет,
По нем немногие идут.
Другая – торная – тропа
Полна соблазнов и услад.
По ней всегда идет толпа,
Но этот путь – дорога в ад.
Бежит, петляя, меж болот
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведет,
Где скоро будем ты да я.
Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротись домой!
Через потоки в темноте
Несется конь то вплавь, то вброд.
Ни звезд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод.
Несется конь в кромешной мгле,
Густая кровь коню по грудь.
Вся кровь, что льется на земле,
В тот мрачный край находит путь.
Но вот пред ними сад встает.
И фея, ветку наклонив,
Сказала: – Съешь румяный плод –
И будешь ты всегда правдив!
– Благодарю, – ответил Том, –
Мне ни к чему подарок ваш.
С таким правдивым языком
У нас не купишь – не продашь.
Не скажешь правды напрямик
Ни женщине, ни королю..
– Попридержи, мой Том, язык
И делай то, что я велю!
В зеленый шелк обут был Том,
В зеленый бархат был одет.
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.
ДЕМОН-ЛЮБОВНИК
– О где ты был, мой старый друг,
Семь долгих, долгих лет?
– Я вновь с тобой, моя любовь,
И помню твой обет.
– Молчи о клятвах прежних лет,
Мой старый, старый друг.
Пуškai о клятвах прежних лет

Не знает мой супруг.
Он поспешил смахнуть слезу
И скрыть свои черты.
– Я б не вернулся в край родной,
Когда б не ты, не ты.
Богаче нашей стороны
Заморская земля.
Себе там в жены мог бы взять
Я дочку короля!
– Ты взял бы дочку короля!
Зачем спешил ко мне?
Ты взял бы дочку короля
В заморской стороне.
– О, лживы клятвы нежных дев,
Хоть вид их сердцу мил.
Я не спешил бы в край родной,
Когда бы не любил.
– Но если бросить я должна
Детей и мирный кров,
– Как убежать нам, милый друг,
От наших берегов?
– Семь кораблей есть у меня,
Восьмой приплыл к земле,
Отборных тридцать моряков
Со мной на корабле.
Двух малых деток мать взяла
И стала целовать.
– Прощайте, детки! Больше вам
Не видеть вашу мать.
Корабль их ждал у берегов,
Безмолвный и пустой.
Был поднят парус из тафты
На мачте золотой.
Но только выплыли они,
Качаясь, на простор,
Сверкнул зловещим огоньком
Его угрюмый взор.
Негнулись мачты корабля,
Качаясь на волнах,
И вольный ветер не шумел
В раскрытых парусах.
– О, что за светлые холмы
В лазури голубой?
– Холмы небес, – ответил он, –
Где нам не быть с тобой.
– Скажи: какие там встают
Угрюмые хребты?
– То горы ада! – крикнул он, –
Где буду я – и ты!
Он стал расти, расти, расти
И мачты перерос
И руку, яростно грозя,
Над мачтами занес.
Сверкнула молния из туч,
Слепя тревожный взор,
И бледных духов скорбный рой
Покрыв морской простор.
Две мачты сбил он кулаком,
Ногой еще одну,
Он судно надвое разбил
И все пустил ко дну.
ЛОРД РОНАЛЬД
– Где был ты, мой Рональд? – В лесах, моя мать.
– Что долго скитался, единственный мой?
– Гонял я оленя. Стели мне кровать.
Устал я сегодня, мне нужен покой.
– Ты голоден, Рональд? – О нет, моя мать.
– Где нынче обедал, единственный мой?

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

– В гостях у невесты. Стели мне кровать.
Устал я сегодня, мне нужен покой.
– Что ел, ты мой Рональд? – Не помню я, мать.
– Подумай и вспомни, единственный мой!
– Угрей я отведал. Стели мне кровать.
Устал я сегодня, мне нужен покой.
– А где же борзые? – Не помню я, мать.
– Подумай и вспомни, единственный мой!
– Они околели... Стели мне кровать.
Устал я сегодня, мне нужен покой.
– Ты бледен, мой Рональд! – О мать, моя мать!..
– Тебя отравили, единственный мой!
– О да, я отравлен! Стели мне кровать.
Мне тяжело, мне душно, мне нужен покой.

РУСАЛКА

Морская песня

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: следом за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.
Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.
Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.
Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
– Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.
Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать
При бесчисленных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горючих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!
Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
– Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!
По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
– Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!
Мы работали дружно,
Тонули мы врозь –
Это было судьбой суждено.
Уцелевшей доски
Под рукой не нашлось,
И пошли мы на темное дно,
на дно,
на дно,
За русалкой
На темное дно!
ПЕСНЯ НИЩИХ

Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой.
Град и огонь и мерцанье свечей,
И Господь твою душу помилуй!
Долго во мраке будешь идти –
Вечная ночь за могилой.
Тернии будут расти на пути.
Господь твою душу помилуй!
Если ты нищему дал сапоги, –
Вечная ночь за могилой, –
Сядь, натяни их и дальше беги,
И Господь твою душу помилуй!
Если ж ты лишнюю обувь берег, –
Вечная ночь за могилой, –
Ты по колючкам пойдешь без сапог,
И Господь твою душу помилуй!
Долго во мраке будешь идти –
Вечная ночь за могилой.
К мосту страстей ты придешь по пути,
Господь твою душу помилуй!
Только по страшному мосту пройдешь,
Вечная ночь за могилой, –
Прямо в чистилище ты попадешь,
Господь твою душу помилуй!
Если твоя не скудела ладонь, –
Вечная ночь за могилой, –
Ты невредимым пройдешь сквозь огонь,
И Господь твою душу помилуй!
Если ж берег ты вино и харчи, –
Вечная ночь за могилой, –
Будешь гореть в раскаленной печи.
Господь твою душу помилуй!
Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой,
Град и огонь и мерцанье свечей,
И Господь твою душу помилуй!

ИЗ ПОЗАБЫТЫХ ПЕСЕН

1

Западный ветер, повеи ты вновь
И маленький дождь пролей.
Ах, если б со мною была любовь,
А я – в постели своей!

2

Сквозь снег и град
Вернись назад,
Вернись ко мне, вернись ко мне,
Мой милый друг, вернись ко мне!
В потемках лет
Пропал твой след.
Вернись, вернись, вернись ко мне!

ЗЕЛЕННЫЕ РУКАВА

Старинный романс

Твоим зеленым рукавам
Я жизнь без ропота отдам.
Я ваш, пока душа жива,
Зеленые рукава!
За что, за что, моя любовь,
За что меня сгубила ты?
Неужто не припомнишь вновь
Того, кого забыла ты?
Твоим зеленым рукавам...
Я для тебя дышал и жил,
Тебе по капле отдал кровь,
Свою я душу заложил,
Чтоб заслужить твою любовь.
Твоим зеленым рукавам...
Я наряжал тебя в атлас
От головы до ног твоих,

Купил сверкающий алмаз
Для каждой из серег твоих.
Твоим зеленым рукавам..
Купил я красные чулки,
Расшитые узорами,
Купил тебе я башмачки
Нарядные, с подборами.
Купил гранатовую брошь,
Браслета два для рук твоих.
Таких браслетов не найдешь
Ты на руках подруг твоих.
Из серебра купил ножи,
Позолотил их заново.
У самой знатной госпожи
Такого нет приданого.
Тебе прислал я слуг своих
В твоём доме прислуживать.
В зелёный шелк одел я их,
И в галуны, и в кружево,
Чтоб на руках тебя несли
Они порой ненастною,
Чтоб не коснулась ты земли
Подожвою атласною.
Весь день твой услаждают слух
И музыка и пение.
Но ты меня, мой милый друг,
Отвергла тем не менее.
Одну надежду я таю,
Что, как ты жестока ни будь,
Любовь несчастную мою
Вознаградишь когда-нибудь!
Пусть ты глуха к моим мольбам,
Мучительница милая,
Твоим зеленым рукавам
Послушен до могилы я.
Твоим зеленым рукавам
Я жизнь безропотно отдам.
Зелёные, словно весною трава,
Зелёные рукава!
ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЯ
Рога трубят.
Рога трубят.
И птицы приветствуют день.
А двор короля
Несется в поля,
В дубравы, где бродит олень.
Заря встает.
Петух поет.
И будит пастушья свирель
Забрезживший день,
Которому лень
Покинуть лесную постель.
ПОЕЗДКА НА ЯРМАРКУ
– Не дашь ли лошадку нам, дядюшка Том?
В гору да под гору,
Рысью и вскачь, –
На ярмарку завтра мы едем верхом:
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я!
– А когда вы вернете коня моего? –
В гору да под гору,
Рысью и вскачь, –
– Вернем его в среду, во вторник к обеду,

Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я!
Вот вторник проходит, проходит среда, –
В гору да под гору,
Рысью и вскачь! –
Домой не вернулись верхом никогда
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я!
С холма поглядел на окрестности Том,
В гору да под гору,
Рысью и вскачь! –
Коня он увидел внизу под холмом.
С ним – Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я..
Окончила кляча свое бытие, –
В гору да под гору,
Рысью и вскачь, –
Оплакали хором кончину ее
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я..
Но песня не кончилась вместе с конем
В гору да под гору,
Рысью и вскачь! –
Хоть умерли все, кто катался на нем:
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я..
В ночной тишине, при звездах и луне,
В гору да под гору,
Рысью и вскачь! –
Верхом мы несем на мертвом коне:
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,
Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я..
И будем мы ездить верхом до поры, –
В гору да под гору,
Рысью и вскачь, –
Пока не провалимся в тартарары:
Билл Брюэр,
Джек Стюэр,

Боб Симпл,
Дик Пимпл,
Сэм Хопкинс,
Джон Хок
И старый Джим Коббли и я...

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ РАЗНЫХ ВРЕМЕН
НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Здесь я покоюсь – Джимми Хогг.
Авось грехи простит мне Бог,
Как я бы сделал, будь я Бог,
А он – покойный Джимми Хогг!
НА ХУДОЖНИКА-ПОРТРЕТИСТА
В своих портретах, как ни бился,
Добиться сходства он не мог.
Его детьми утешил бог, –
И в них он сходства не добился!..

В ЗАЩИТУ ПОЭЗИИ

«Поэзия глупа!» В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом, –
Он может быть и просто дураком!

ЭПИТАФИЯ-ОБЪЯВЛЕНИЕ

Лежу под камнем я – вдова
Владельца «Золотого Льва».
Покорный воле провиденья,
Мой сын содержит заведение.

ЭПИТАФИЯ СКРЯГЕ

Он умер оттого, что был он скуп:
Не полечился, – денег было жалко;
Но если б знал он цену катафалка,
Он ожил бы, чтобы нести свой труп!
НА СМЕРТЬ ПОХОРОННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА
Оплакивал он многих – по профессии,
Но только раз себе позволил он
Лежать во время траурной процессии
И не напиться после похорон.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ГРЕНАДЕРА

ХЕМПШИРСКОГО ПОЛКА

Я, гренадер, лежу в земле сырой.
Я простудился, выпив кружку пива.
Не пейте пива жаркою порой,
А пейте спирт – и будете вы живы!

НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв название тома.

Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?

О ПАМЯТНИКЕ ПОЭТУ БАТТЛЕРУ

Он умер с голоду, и на могиле
Гранитный бюст друзья соорудили.

А ведь при жизни ни один сосед
Не приглашал поэта на обед.

К несчастному несправедливо небо:
Он получает камень вместо хлеба!

СПОР ГОРОДОВ

О РОДИНЕ ГОМЕРА

Семь спорят городов о дедушке Гомере:
В них милостыню он просил у каждой двери!

СОБЛАЗН

Хвалился дьявол в дружеской беседе,
Что соблазнит сиятельную леди,

Но безрассудно было хвастовство!

Кто соблазнил кого?

Она – его!

ВЕТОЧКА

Пригнул я веточку весной –

Из тысячи одну.

Она не спорила со мной,

Пока была в плену.
Когда же я ее домой
Отправил – в вышину, –
Какой был шум, какой был свист!
Разрезав воздух, точно хлыст,
Она ушла к другим ветвям,
Меня послав ко всем чертям.
И долго в тишине лесной
Шептались ветки надо мной...
О ПОЦЕЛУЕ
– Он целовал вас, кажется?
– Боюсь, что это так!
– Но как же вы позволили?
– Ах, он такой чудак!
Он думал, что уснула я
И все во сне стерплю,
Иль думал, что я думала,
Что думал он: я сплю!
О ХАНЖЕ И ЕГО ЛОШАДИ
Ханжу кобыла укусила.
Она была права:
Его же проповедь гласила,
Что наша плоть – трава!
РЕПА И ОТЕЦ
Тот, кто кричит на рынке: «Репа! Репа!»,
Но не кричит, когда умрет отец, –
Ведет себя преступно и нелепо.
Он с головы до пяток – продавец.
Ему дороже репа, чем отец!
О ПЬЯНСТВЕ
Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство – без причин!
О ТОМ ЖЕ
Чтобы ему напиться пьяным,
Нужна бутылка со стаканом,
Друзей беспечных тесный круг
Или один сердечный друг.
Возможно пить и в одиночку.
Бутылки нет – давайте бочку.
Пить без стакана мудрено,
Но можно, – было бы вино!
ЭПИТАФИЯ НА КЛАДБИЩЕ
МЕЛЬРОЗСКОГО АББАТСТВА
Земля проходит по земле
Подчас в наряде золотом.
Земля покой найдет в земле
В свой срок – сейчас или потом.
Земля возводит на земле
Недолговечное жильё.
Земля одно твердит земле:
«Все, что построишь ты, – мое!»
ПРОСТАЯ ИСТИНА
Мятеж не может кончиться удачей, –
В противном случае его зовут иначе.
О ВРЕМЕНИ
Мы говорим, что убиваем время.
Пустое хвастовство! Приходит час –
И время расправляется со всеми,
Всех убивает нас.
НА НЬЮТОНА И ЭЙНШТЕЙНА
Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
(Эпиграмма XVIII века)

Но сатана недолго ждал реванша.
Пришел Эйнштейн – и стало все, как раньше.
(Эпиграмма XX века)

ОПАСНЫЕ СРАВНЕНИЯ

Как день безоблачный, ясна,
Блистательна, как небо в звездах,
Всем одинаково она
Принадлежала, точно воздух.
ПРО ОДНОГО ФИЛОСОФА

«Мир, – учил он, – мое представление!»
А когда ему в стул под сидение
Сын булавку воткнул,
Он вскричал: «Караул!
Как ужасно мое представление!»

ПРО ДРУГОГО ФИЛОСОФА
Он был чудачком и, куда бы ни шел,
Проделывал путь круговой,
Поскольку он шел,
Куда нос его вел,
А нос у него был кривой.

ЭПИТАФИЯ

Георг Третий
Не должен был существовать на свете,
В истории английской
Он кажется ошибкой иль опиской.
Осталось от него, когда он помер,
Одно лишь имя громкое да номер!
НАДПИСЬ ДЛЯ ОШЕЙНИКА СОБАКИ,
ПОДАРЕННОЙ ПРИНЦУ УЭЛЬСКОМУ
Я – принца крови чистокровный пес.
А вы-то чей? – простите за вопрос?

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Степенная, внушительная дама
Покоится на лоне Авраама.
Ей хорошо на лоне у него,
Но Аврааму – каково!

ЭПИТАФИЯ СПЛЕТНИЦЕ

Здесь – в келье гробовой –
Лежит она, немая.
Но стала таковой
С пятнадцатого мая.

ОТЗЫВ НА ПЬЕСУ

Хвалю я пьесу вашу, сэр,
Особенно вторую часть.
Но почему бы, например,
Вам и начало не украсть?

МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

Под этой скромной насыпью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли...
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с могилой имя «Джон».

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Утопилась тетка Смита
У себя в колодце.
Значит, воду через сито
Процедить придется.

ПРИМЕРНАЯ СОБАКА

Крадется вор
На графский двор, –
Я очень громко лаю.
Крадется друг через забор, –
Я хвостиком виляю.
Вот почему графиня, граф
И друг их самый верный
За мой для всех удобный нрав

Зовут меня примерной.

СТАРАЯ И НОВАЯ

Новая Церковь –
Свободная церковь,
Церковь без колокольников.

Старая церковь –
Холодная церковь,
Церковь без богомольцев.

ЖЕРТВА ОЖИДАНИЯ

Пред нами – жертва ожидания:

Напрасно жертвуя собой,
Он ждал на улице свидания
Под водосточную трубу.

О человек – сосуд непрочный!

Весной, когда идут дожди,
Ты под трубой водосточной
Своей возлюбленной не жди!

О ПЕВЦАХ

Не всякий лебедь должен петь,

Почувяв близость смерти,

Иному лучше помереть

До первых нот в концерте.

ЯЗЫК – ЕЕ ВРАГ

Алиса беззуба – и это не диво:

Она с малолетства была говорлива.

И скажет вам всякий, кто с нею знаком,

Что зубы сточила она языком.

ПОЧЕМУ ЗАСТРАХОВАЛИ ОДИН

ИЗ КОЛЛЕДЖЕЙ В ОКСФОРДЕ?

В одном из колледжей имущество и дом

Застраховали от пожара...

Ведь им известно, что за кара

Постигла за грехи Содом!

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Георгий – наш святой – во время оно,

Спасая девушку, убил копьем дракона.

Дракон был выдуман. Святой Георгий тоже.

Но, может, девушка жила на свете все же?..

О РЕПУТАЦИЯХ

Ты говоришь, что я беспутная особа.

Я говорю, что ты порядочен вполне...

Но, видно, попусту стараемся мы оба:

Никто не верит ни тебе, ни мне!

О ГРАМОТНОСТИ

У старого Отто три юные дочки.

Они написать не умели ни строчки.

Отец не решался купить им тетрадь,

Чтоб писем любовных не стали писать.

Но младшая деда поздравила с внучкой:

Писать научилась она самоучкой.

РЕВНИТЕЛЬ ТРЕЗВОСТИ

Ценил он трезвость скучную

В прислуге –

В швейцаре, в поваре, в лакее, –

Но не в друге!

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ ПО МЕНДЕЛЮ

В наследственность верит не всякий,

Но белая, бывшая в браке

С одним из цветных,

Родила шестерых:

И белых, и черных, и хаки.

СУЕВЕРЬЕ

О Господи, какое суеверье

Предполагать, что ты придумал птиц

Лишь для того, чтоб колыхались перья

На модных шляпах дам или девиц!

ПО ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Сегодня в полдень пущена ракета.

Она летит куда скорее света
И долетит до цели в семь утра
Вчера...

ОПАСНЫЙ НОМЕР

Улыбались три смелых девицы
На спине у бенгальской тигрицы.

Теперь же все три –

У тигрицы внутри,

А улыбка на морде тигрицы.

ЭПИТАФИЯ ШОФЕРУ

Бедный малый в больничном бараке

Отдал душу смиренную Богу:

Он смотрел на дорожные знаки

И совсем не смотрел на дорогу...

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПОТОМКУ САМОУБИЙЦЫ

Мне очень жаль, что напоследок

Зарезался ваш досточтимый предок.

Или, пожалуй, правильней сказать бы:

Зачем он не зарезался до свадьбы!..

ГРОБНИЦА КАРЛА II

Под эти своды прибыл из дворца

Король, чье слово было хрупко.

За ним не числится ни глупого словца,

Ни умного поступка.

ВЕЧНАЯ ТАЙНА

Увидев девушку безвестную случайно,

«Как поживаете?» – спросил ее поэт.

Ни слова девушка не молвила в ответ,

И, как живет она, навек осталось тайной...

ДУХ КОНАН-ДОЙЛЯ

Мистер Своффер утверждает,

что ему удалось вызвать во время

спиритического сеанса дух Конан-

Дойля и даже беседовать с ним.

Покойный Конан-Дойль при жизни был спиритом.

В миры надзвездные, скончавшись, он ушел.

И если б что-нибудь хорошее нашел,

То не ходил бы к Свофферу с визитом!..

О ДУРАКАХ

Жму руки дуракам обеими руками:

Как многим, в сущности, обязаны мы им!

Ведь если б не были другие дураками,

То дураками быть пришлось бы нам самим.

«НЕ ПРЕЗИРАЙ СОНЕТА»

Не презирай сонета, критик!

Вордсворт

Не будь к сонету, критик, слишком строг.

Пускай бездарен он и скучен очень часто,

Но в нем не более четырнадцати строк,

А ведь в иных стихах бывает полтора!..

ЭПИТАФИЯ БЕЗУМЦУ

Сошел под гробовую сень

Безумец, что в апреле

Решился снять в прохладный день

Фуфайку из фланели.

ЭПИТАФИЯ СУДЬЕ, КОТОРЫЙ СЧИТАЛ

СЕБЯ ПОЭТОМ

Слепа Фемида, слеп старик Гомер,

Да и покойник был подслеповатым:

Невинного считал он виноватым

И нарушал в стихах любой размер.

СГОРЕВШЕЕ СЕРДЦЕ

Сгорел в камине бедный Билли.
Храню я пепел дорогой,
Чтоб сердце Билли не разбили
Неосторожно кочергой.

О ГРУШАХ

Тот, кто моих не хочет груш,
Не трогай веточек моих.
А кто не будущий мой муж,
Тот мне сегодня не жених.

О ВЕЖЛИВОСТИ

Будь вежлив с каждым воробьем,
Не будь заносчив с муравьем,
А в обществе курином
Не заикайся о своем
Пристрастии к перинам!

ДВА АКТЕРА

Небритый человек, неряшливо одетый,
Актера Гаррика случайно встретил где-то
И подошел к нему с протянутой рукой.
– Здорово! – говорит. – Но кто же вы такой?
Знакомым с вами быть я не имею чести...
– Ах, братец, память у тебя плоха.
На сцене столько раз мы выступали вместе:
Ты – в роли Гамлета, я – в роли петуха!

О СДЕРЖАННОСТИ

Твой стиль суховатый и сдержанно-краткий, –
Без удержу хвалят друзья... –
Уздечка нужна, чтобы править лошадкой,
Но где же лошадка твоя?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Припомнив прошлое с усиьем,
Писала бабушка о том,
Что с ней встречался Вордсворт Вильям
И старый кольридж ей знаком.
В атлас и кружева одета,
Она дремала на лугу,
Когда великих два поэта,
Причмокнув, молвили: – Агу!
Они ушли куда-то оба,
Но на любезные слова
Успела юная особа
Ответить классикам: – Уа!

ЗАГАДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Моля о свиданье опять и опять,
Не тронул я сердца прелестницы..
Хоть женщинам свойственно чувства скрывать,
К чему меня сбрасывать с лестницы?

ОБ ОДНОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ

В Писании сказано: мужа с женой
Считать полагается плотью одной.
Но Дугласа с тощей его половиной
Считают не плотью, а костью единой.

ЭПИТАФИЯ СПЛЕТНИЦЕ

Здесь лежит мисс Арабелла,
Не она, а только тело.
Будь она здесь целиком,
То болтала б языком.

МЕЧТЫ ЖИТЕЛЯ ТИМБУКТУ

Будь я крупного размера
Африканский крокодил,
Я бы враз миссионера
С книгой гимнов проглотил.

НА УЧЕНУЮ КРАСАВИЦУ

Дафна, страсти избегая,
Навсегда осталась лавром.

А красавица другая
Стала нынче бакалавром.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Надпись в соборе Эльджин
Какая шутка – наша жизнь земная!
Так раньше думал я. Теперь я это знаю.
* * *

Как мог
Ваш БОГ,
Землей владея,
Избрать в любимцы иудея?

ОТВЕТ

А не находите ли странным,
Что вам, смиренным христианам,
Пришел на ум такой вопрос,
Когда ваш бог – еврей Христос?

ЗАВЕЩАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

Пусть на моем напишут пьедестале:
Грешил он много, но его читали.

РАЗГОВОР

– Эй, кто тут погребен?

– Ну я! А кто ж иной? –

Так это ты, мой Джон?..

– Да, был когда-то мной!..

ЭПИГРАММА НА КОСОГЛАЗУЮ

ПОЭТЕССУ

Ни на одну из муз ее не смотрит глаз.
На всех, на девять муз глядит она зараз.

ВЕЛИКАЯ УТРАТА

Его похоронив, наш город безутешен:
У нас он был рожден, воспитан и повешен!
* * *

Земля с луною в круговом
Находятся движенье,
И потому мы капли пьем
От головокруженья.
ИЗ ГОРОДА БОСТОНА

Я родом из города Бостона,
Где в славе треска и горох,
Где Довели видят лишь Кэботов,
А Ловелей – разве что Бог!

РАВНОВЕСИЕ В ЕВРОПЕ

В Европе годы мира настают.
Уравновесятся весов военных чаши,
Когда всех наших ваши перебьют,
А ваших наши.

ЧТО ТАКОЕ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»

Необразованный элемент,
Который ума не лишен,
Почему-то считает, что «интеллигент» –
Это тот, кто имеет двух жен.

ПРОФЕССОРУ – ЛЮБИТЕЛЮ

РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Среди седых профессоров
Истории

Вы – рыболов
Высокой категории.

Когда клевали

Рыбы червяка,

Вы забывали

Прошлые века.

НЕ ПАДАЙ ДУХОМ!

Человеку, чей конь после долгой борьбы

Закружился на месте и встал на дыбы,

Мы сказали: – Ну что ж!

Коль с хвоста ты сползешь,

Будешь ты здоровей от ходьбы!

ЯБЛОЧНЫЙ СОК

Пьянеет от яблок мисс Дженни.

Должно быть, идет в ней брожение

И яблочный сок

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

Становится сидром в положенный срок
В желудке малютки мисс Дженни.

О ЧЕРЕПАХЕ

Одета черепаха в две брони.
Меж двух щитов она проводит дни.
И в этом положении неудобном
Еще дарует жизнь себе подобным.

НАПРАСНАЯ УГРОЗА

– Едва невинности лишусь,

Умру я в тот же час!

– Давайте с вами я прошусь:

Уж нет на свете вас!

НЕУНЫВАЮЩАЯ ДЕВИЦА

С девицей я встретился в Лукке.

Была она с мылом в разлуке.

На пальме она

Сидела одна

И финики ела от скуки.

Примечания

1

Сонеты 135 и 136 построены на игре слов. Сокращенное имя поэта – «will» (от «william» – «Уильям») пишется и звучит так же, как слово, означающее волю или желание. (Примеч. С. Маршака.)

2

Член парламента.

3

Моди – местный священник.

4

Смит – имя местного священника

5

Винный спирт (лат.).

6

И так далее (лат.).

7

Это стихотворение так и осталось у автора незаконченным. (Примеч. С. Маршака.)

8

Это стихотворение автором не закончено. (Примеч. С. Маршака.)

9

Стихи эти написаны Робертом Бернсом к выборам, во время которых боролись за место в парламенте представители тори и виггов. (Примеч. С. Маршака.)

10

Сторонниками изгнанной династии Стюартов – «якобитами» – были во времена Бернса многие ревнители шотландской независимости. О Бернсе говорили, что он из якобитов стал якобинцем. (Примеч. С. Маршака.)

11 Герой этой баллады Томас Рифмач – Томас Лирмонт (или Лермонт) – легендарный шотландский поэт. (Примеч. С. Маршака.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Английская поэзия. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
<http://marshaksamuil.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!